

П. ИГНАТОВ

БРАТЯ ИГНАТОВЫ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1 9 4 5

П. К. ИГНАТОВ

Б Р А Т Ь Я
И Г Н А Т О В Ы

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

1965

К ЧИТАТЕЛЯМ

Просим дать отзыв о содержании книги и ее оформлении. В отзыве укажите свой адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательства просит организовать сбор читательских отзывов на эту книгу.

Весь материал направляйте по адресу: Москва, Новая площадь, д. 6/8, изд-во «Молодая гвардия».

ОТ АВТОРА

Эта небольшая книга — короткий рассказ о том, как ушли партизанить, как боролись с фашистами и как героически погибли мои сыновья, Герои Советского Союза, братья Игнатовы.

Рассказ не охватывает всего многообразия минно-диверсионных операций отряда, осуществленных после смерти моих ребят и в значительной мере подготовленных старшим сыном Евгением.

Об этом рассказано в моей книге «Записки партизан», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия».

Командир Краснодарского городского партизанского отряда минеров имени братьев Игнатовых

П. К. ИГНАТОВ

ПОРА ОПЯТЬ БРАТЬ В РУКИ ВИНТОВКУ

Ноябрь 1941 года.

С утра дует холодный осенний ветер. Низко, почти касаясь вершущек деревьев, несутся по небу серые рваные тучи. Идет колючий снег, похожий на маленькие острые льдинки.

На сердце щемящая тоска: несколько дней назад наши оставили Ростов. Враг у дверей родной Кубани. Надо что-то сделать сейчас же, немедленно, сию минуту: не вмоготу больше директорствовать в моем мирном Краснодарском институте. И невольно вспоминаются далекие годы: Питер, подпольная работа на заводе, ссылка в далекий Невьянск на Урале, а потом бои за Октябрь, великая битва у стен Царицына и ликвидация кулацких банд на Дону.

Сейчас война подходит вплотную к родному городу, снова стучится в дом.

— Пора опять брать в руки винтовку, Елена Ивановна.

Жена молчит, но я знаю: когда настанет время, она пойдет в бой и будет биться молча, бесстрашно, насмерть, как шла когда-то в ссылку, как боролась за жизнь своих сыновей в осажденном Царицыне, в белых станицах, в горящем, разбитом бомбами эшелоне...

Поздно вечером к нам неожиданно приходит наш старший сын Евгений.

— Папа, позволь без предисловий. У нас на комбинате сколачивается партизанский отряд. В него входят мои друзья. Многих из них ты хорошо знаешь: Ветлугин, Кириченко, Янукевич, Сафронов, Еременко. Думаем набрать человек пятьдесят. Меня выбирают начальником штаба. А тебя просят быть командиром — у тебя большой опыт и боевой и подпольной работы... Ну, папа, решай...

Глубокой ночью я провожаю сына.

Тихо в городе, — тише, чем в поле в глухую полночь. Рваным пологом повисли лохматые тучи. Только осенний ветер свистит и воет в глухих переулках и швыряет в лицо колючий снег. Но на сердце легко и ясно: вся семья идет партизанить — и мы, старики, и наши ребята.

Геня, конечно, счастлив. Он учится в девятом классе, и до Красной Армии надо ждать, по крайней мере, год. И вдруг сейчас все складывается так неожиданно, как в сказке: скоро он уйдет в предгорья бить немцев.

Он станет, конечно, шофером в отряде — будет водить по горным дорогам партизанскую машину.

У Гени врожденная страсть к механике. Очевидно, это у нас в крови: мой отец — механик, я — инженер, старший сын Евгений — инженер-конструктор, средний, Валентин, — теплотехник.

С восьми лет у Гени дома маленькая мастерская: возясь у тисков с напильником в руках, он вечно что-то конструирует, изобретает.

— Я построю такую машину, какой нет в целом свете, — мечтает он.

Его закадычные друзья — шоферы соседнего гаража. Геня проводит там все свободные часы — лазает под машины, возится с разобранным мотором. Домой возвра-

щается грязный, измазанный маслом. Мать читает ему строгую нотацию. Но назавтра он снова в гараже и снова весь в масле.

Десятилетним пареньком он впервые самостоятельно вел машину. Он был горд безмерно...

Но пока все эти занятия механикой случайны и несистематичны. И теперь Гене, будущему партизану, дано задание: если хочешь уйти с отрядом, кончи автошколу, формально получи права водителя.

Геня с увлечением изучает автомобильное дело. Его интересуют боевые машины; он ходит на танкодром и сидит там до тех пор, пока его не прогонят. А по ночам, когда дом засыпает, он зажигает свет и в постели штудирует справочники по танкам из моей библиотеки.

Однажды мать застаёт его за этим занятием и велит немедленно потушить свет. И вот тут-то под большим секретом Геня открывает ей свою заветную мечту: в одной из схваток с немцами он отобьет у них танк и на трофейной машине будет уничтожать фашистов.

— Поэтому, мама, я должен знать на-зубок каждый винтик, каждый рычажок германских танков. Знать так, чтобы в бою просто сесть на место фрица-водителя и повести машину в горы. А ты говоришь — ложись спать. Спать сейчас некогда. Поспим потом... Позволь, мама, я еще часок почитаю?

Что могла сказать на это Елена Ивановна?..

* * *

Ростов снова наш, но Кубань попрежнему под ударом. И мы с Евгением продолжаем кропотливо сколачивать отряд.

Евгений — начальник технико-конструкторского отдела «Главмаргарина», одного из крупнейших промыш-

ленных комбинатов на Кубани. С ним работают его друзья, его однокашники еще по институту. Годами они вместе ходили на лекции, сдавали экзамены, выезжали на практику, вместе мечтали, спорили, ссорились, мирились, танцевали на вечеринках, увлекались девушками. Они знают друг друга так, что, кажется, нельзя лучше знать человека. И все-таки нелегко даже из таких друзей сколотить партизанский отряд.

Мало одного желания стать партизаном. Мало здоровья и физической выносливости. Мало даже кристальной честности и беззаветной преданности делу.

В предгорьях нам прежде всего нужны бойцы. Но если в нашем отряде будут только снайперы или только минометчики, мы далеко не уедем. Среди нас должны быть люди всех воинских специальностей: снайперы, пулеметчики, связисты, подрывники, саперы, минометчики, артиллеристы — мало ли кто потребуется в горах! К тому же, быть может, нам придется развернуть наш отряд, отпочковаться, выделить самостоятельные группы, организовать филиалы. А ведь в тылу у немцев мы не найдем военкомата, не предъявим ему требования на дефицитные специальности.

Наш отряд должен быть универсален. И первый вопрос, который задает Евгений будущему партизану: «Каким оружием владеешь?»

Но нас мало, а военных специальностей много. И Евгений требует совмещения специальностей. Тот, кто этим не обладает, должен учиться, причем учиться так, чтобы уметь пользоваться и германскими образцами оружия: в предгорьях нашими основными «поставщиками» оружия будут фашисты.

В конце концов получается как будто не плохо: в нашем отряде есть даже летчик и бортмеханик. Будущее показало, что и они намгодились.

И еще два обязательных вопроса задает Евгений

каждому партизану: «Каким ремеслом владеешь? Чем занимаешься на досуге?»

В предгорьях мы будем робинзонами. Там ничего не получишь по нарядам, никто не даст ордера в мастерскую, перед нами не раскроются двери магазинов, и почтальон не принесет нам свежих газет. Но мы не хотим, подобно Робинзону, одеваться в звериные шкуры, жить в шалашах и быть оторванными от Большой земли. Нам нужны свои строители, свои хирурги, повара, портнихи, сапожники, охотники, шоферы, следопыты, механики, радисты. Нам нужны десятки профессий.

Снова настойчиво, терпеливо ищет Евгений тех, кто владеет нужными ремеслами. Ищет среди своих сослуживцев, однокашников, друзей, среди тех, кто в то же время обладает по меньшей мере двумя воинскими специальностями, кто честен, неподкупен, храбр.

Это очень трудно — найти людей с сочетанием таких качеств, знаний, способностей. Но у Евгения редкое терпение, какое-то особое умение быстро подойти и распознать человека — и он находит тех, кого ищет.

Весной Евгений приносит мне список членов отряда. В особой графе помечены их ремесла. Здесь перечислены все профессии, какие могут потребоваться в предгорьях. И даже те, которые не совсем обязательны: в нашем отряде будет свой поэт и художник. Одновременно он прекрасно орудует минометом, хорошо бьет из пистолета и, как выясняется потом, — рачительный хозяин и образцовый комендант лагеря.

Штаб нашего отряда — штаб МПВО комбината. Это выходит как-то само собой. Евгений — начальник обоих штабов.

Ночью во втором этаже административного корпуса, в небольшом помещении штаба МПВО, собираются будущие партизаны.

Здесь идут горячие споры о методах партизанской борьбы и конспирации, об организации лагеря, об одежде, обуви, вооружении. Петр Петрович Мусьяченко — коммерческий директор комбината и в то же время страстный охотник, прекрасно знающий кавказские предгорья, — рассказывает о кабаньих тропах, о языке следов и о своенравии горных речушек. И сплошь и рядом, подходя по коридору к комнате штаба, неожиданно слышишь... лягушечье кваканье. Открываешь дверь и видишь: сидят друг против друга два почтенных инженера... и квакают. Квакают упоенно, самозабвенно, квакают до тех пор, пока строгий консультант и учитель, все тот же коммерческий директор Мусьяченко, не отпустит их души на покаяние. А за лягушечьим кваканьем начинается стрекот сойки, треск цикады и кабанье хрюканье. Это будущие партизаны прорабатывают сигналы в лесу.

И снова едва ли кто-нибудь, кроме Евгения, мог бы так легко, шутя, весело, но в то же время настойчиво и требовательно заставить директоров, инженеров, хозяйственников квакать, стрекотать, чмокать и хрюкать по-кабаньи, когда ни у кого из нас в ту пору еще не было твердой уверенности, что мы уйдем партизанить в предгорья.

Уж таким был человеком Евгений — мягким, располагающим, обаятельным и в то же время твердым и непреклонным.

«ВЕРЕВОЧКА — ВЕЩЬ НЕНАДЕЖНАЯ»

Война входит в комбинат: его цехи, вырабатывающие мыло, маргарин, саломас, должны срочно приступить к изготовлению минометов.

Это не так просто — перекрыть весь технологический процесс и наладить совершенно новое производство. И сутками сидят в цехах два старых закадычных друга — Евгений и Геронтий Ветлугин, главный инженер-механик комбината.

Наконец первые образцы готовы, и ранним воскресным утром Евгений с комиссией уезжает на полигон испытывать новый миномет.

Сын возвращается поздно вечером.

— Первый блин комом, папа. И каким еще комом! — рассказывает Евгений. — Понимаешь, устанавливаю миномет, беру мину, с силой опускаю ее в ствол и — ничего. Никакого выстрела. Но вот мина все-таки как-то неохотно выползает из трубы, лениво пролетает два метра и спокойно падает на траву. Все в ужасе шаркают в сторону. А у меня от стыда темнеет в глазах... Неужели мы с Ветлугиным что-то проморгали, ошиблись, напутали?.. Подбегаю. Оказывается, вместо боевой взял учебную мину. И как это получилось — до сих пор не понимаю! Ну, а дальше все пошло гладко: боевые мины ложились там, где им положено ложиться, и миномет работал нормально. Одним словом, комиссия работу приняла на «отлично»... Но дело не в этом, папа. Когда мы ехали с полигона домой, я понял: мы не имеем права быть обычным партизанским отрядом. Уж хотя бы по одному тому, что среди нас так много инженеров. Мы должны стать специализированным отрядом минеро-диверсантов: рвать поезда, мосты, плотины, склады, минировать дороги, разрушать переправы. Что ты скажешь на это, отец?..

Так после испытания миномета определяется «производственный профиль» нашего отряда.

Надо срочно перестраиваться. И Евгений отправляет двух своих приятелей, инженеров Еременко и Кириченко, в Ростов, на республиканские курсы минеров.

Когда они возвращаются, он посылает их на дополнительную практику — разрядку неразорвавшихся немецких авиационных электронных бомб в окрестностях Краснодара. И успокаивается только тогда, когда Еременко и Кириченко докладывают, что обезвредили свыше ста бомб и получили благодарность от станичников и командиров частей Красной Армии.

У себя в Краснодаре, договорившись с начальником гарнизона, Евгений организовывает на комбинате занятия по минному делу под руководством опытного военного сапера, капитана Гришина. На эти занятия регулярно ходят все партизаны нашего отряда. И на лекциях капитана Гришина на одной парте сидим я и Геня.

У Гени солидная нагрузка: 9-й класс, автошкола, танкодром, занятия по минному делу и практика немецкого языка, который он знает неплохо. Геня явно отдает предпочтение военным дисциплинам, и школьные преподаватели жалуются мне, что Геннадий Игнатов манкирует уроками.

На «домашнем совете» Гене предъявлен ультиматум: если не сдаст экзаменов в средней школе, не будет принят в отряд. И однажды вечером Геня приносит мне сразу две справки: о сдаче экзаменов за 9-й класс и удостоверение об окончании автошколы.

В разгар Гениных экзаменов к нам приезжает неожиданный гость — мой средний сын, Валентин.

Офицер гвардии, дважды тяжело раненный в боях под Москвой и Ростовом, он мог бы легко демобилизоваться. Но он не представляет своей жизни вне фронта и сейчас едет в Крым, где разгораются напряженные бои.

Валентин сидит на диване. Рядом с ним Евгений и Геня. Геня смотрит ему в рот, стараясь не проронить ни слова.

Валентин рассказывает об одной из своих минных диверсий в тылу врага:

— ...Когда мы с Борисом подобрались к берегу реки, то поняли: командир партизанского отряда был прав — мост охранялся так, что даже кузнечик не мог незамеченным подползти к нему.

Этот двухарочный мост лежал на важной железнодорожной магистрали; по ней непрерывным потоком шли на передовую воинские эшелоны, и немцы охраняли мост, как зеницу ока.

Но приказ был ясен — взорвать мост во что бы то ни стало. Я лежал в кустах, придумывал десятки комбинаций и тут же отвергал их: все они были одинаково безнадежными.

И вдруг мне неожиданно вспомнилась кинокартина, которую я видел в детстве. Это был приключенческий фильм из жизни контрабандистов на турецкой границе. И я решил здесь, на белорусской земле, использовать опыт контрабандистов Закавказья.

Валентин на минуту замолкает. Но Гене не терпится.

— Ну, а дальше, Валя?

— Утром следующего дня в партизанском лагере я разделся догола, оставив на себе только пояс с привязанным к нему солидным камнем. Потом вырезал длинную сухую тростинку и, держа один ее конец во рту, вошел в реку. Вода покрыла меня с головой. Но на поверхности, как перископ подводной лодки, торчала моя тростинка. Я дышал и шел по дну, как заправский водолаз.

Фильм, оказывается, не врал: тростинка действовала на славу.

От радости я засмеялся под водой. И тут же, как глупая ворона в крыловской басне, я разинул рот, упу-

стил тростинку и вдоволь хлебнул воды. Пришлось прекратить опыт и плыть к берегу.

Первая часть задачи была как будто решена. Оставалось решить вторую часть: ухитриться доставить к мосту взрывчатку. И снова мне помогли всё те же контрабандисты с экрана.

Мы с Борисом сняли нижние рубахи, намочили их, связали у каждой ворот и рукава, оставив открытыми только отверстия внизу, и крепко ударили сорочками по воде. Рубахи мгновенно вздулись пузырями. Под водой мы осторожно завязали отверстия, и получилось два солидных пузыря; они свободно держали на воде нужный нам запас тола, тщательно завернутого в пергамент.

Вечером мы начали свое подводное путешествие к мосту. На наше счастье, лягушки на берегу открыли неистовый концерт, и над рекой густой белой пеленой полз туман. При свете фашистских ракет наши пузыри походили на распухших мертвецов — в те дни их много плыло по реке.

Мы медленно шли по дну, держась за края пузырей. Иногда на мелких местах нам приходилось итти, согнувшись в три погибели. Не раз срывались в ямы. Но всегда мы крепко держали наши пузыри с толком и не выпускали изо рта спасительных тростинок.

Наконец мы подошли к среднему устью моста. Осторожно взобрались на него, уложили взрывчатку, прикрепили к чеке взрывателя конец парашютной стропы (я захватил с собой около двухсот метров этого тонкого и крепкого шпагата, обвязав его вокруг пояса) и так же медленно отправились обратно по дну реки, разматывая стропу.

Веревка кончилась. Мы вылезли на мель и потянули стропу. Она намокла и была тяжела, как морской канат. Мы дернули еще раз — никакого результата.

Неужели этот проклятый шпагат зацепился за корягу? Или мы что-нибудь напутали с миной?

Передохнув, мы снова впряглись, как бурлаки, в стропу и дернули что есть силы.

Страшный взрыв потряс воздух. Мы с Борисом невольно нырнули в воду.

Когда через минуту мы снова вылезли на мель, в ярком свете ракет был ясно виден рухнувший мост. А тяжелые фашистские пулеметы иступленно били по кустам берега, тревожа ни в чем не повинных лягушек.

— Дальше, Валя, дальше! — нетерпеливо торопит Геня.

— Дальше?.. Дальше партизаны нас начали качать, нечаянно упустили Бориса, он шлепнулся на землю, отшиб себе заднюю часть тела и долго сердито ругался. Вот и все.

— Слышал, Женья? Слышал? — восхищается Геня. — Вот бы нам так рвать мосты в предгорьях. А?.. Да ты что молчишь, Женья? Скажи — здорово?

— С тростинкой и пузырями хорошо, — медленно говорит Евгений. — А вот с веревкой плохо. Мы будем рвать без веревки. Как мы это сделаем, я сегодня еще до конца не додумал. Но будем рвать лучше, проще, надежнее. Поверь, братишка, не ударим лицом в грязь перед Валентином.

— Ты не сердись на меня, Валя, — и Евгений ласково притрагивается рукой к Валиному плечу, — но ведь ты сам понимаешь: веревочка — вещь ненадежная. А в нашем деле надо работать так, чтобы наверняка, безотказно, насмерть. Правильно?..

Валентин согласен. На следующий день мы прощаемся с ним. Он уезжает в свою часть.

ЗИМНИЙ ЛАГЕРЬ НА ГОРЕ СТРЕПЕТ

В июле 1942 года радио приносит тяжелую весть: нашими войсками оставлен Ростов и Новочеркасск. Немцы рвутся на Кубань, к перевалам Кавказа.

Значит, пора!..

В отряде идут последние лихорадочные приготовления перед уходом в предгорья.

Заготавливаем полушубки, валенки, телогрейки, шапки, перчатки. В механических мастерских комбината куются финские ножи и кинжалы. К обычным гладкоствольным ружьям Евгений делает особые патроны с тупыми пулями, напоминающие «джиганы» американских лесорубов: на двести метров они пробивают полуторадюймовую доску.

В Краснодаре попрежнему никто не знает, что мы уходим партизанить.

Для всех знакомых и сослуживцев мы призваны в Красную Армию — у нас на руках мобилизационные повестки из горвоенкомата. Для тех же, кто повстречается с нами на пути в предгорья, мы — работники геолого-изыскательского отряда, производящего съемку трассы для будущего мощного лесозавода. Этот второй вариант должен работать и тогда, если, паче чаяния, нас перехватят раньше времени передовые немецкие разъезды. На этот случай у нас формально будет все в порядке: каждый точно знает свое место в изыскательской партии и без сучка, без задоринки ответит на все вопросы о мощности лесозавода, о его расположении, об основных наметках плана строительства. Само собой разумеется, что у меня на руках все нужные документы с печатями, штампами и подписями.

Враг подходит все ближе и ближе к Краснодару.

2 августа, правдами и неправдами раздобыв шесть

подвод, Евгений отправляет их с партизанским имуществом в станицу Крепостную — нашу ближайшую перевалочную базу.

Через два дня туда же первым рейсом уходит отрядная машина, — ее ведет Геня.

Седьмого вечером последний раз отрабатываем явки, пароли, сигналы. Инструктируем наших подрывников, остающихся на комбинате. В надежных местах прячем для них лодки для переправы через Кубань и снабжаем их нужным оружием.

На рассвете 8 августа грузим машину и тракторный прицеп и выясняем, что мы обмишурились: трактор, благополучно выйдя из ворот комбината, дальше идти отказывается.

Обливаясь потом и горячо споря друг с другом, около него возятся наши механики — Н. П. Ломакин, директор механических мастерских комбината, и Павлик Худоерко, закадычный друг Гени. Но проклятый трактор застрял безнадежно.

Время не терпит. Дорога каждая минута. Орудия бьют уже по окраине Краснодара. И я приказываю волей или неволей немедленно привести тракториста, благо живет он недалеко от комбината и адрес его мне известен.

Через несколько минут под конвоем двух партизан является перепуганный водитель, неохотно садится за руль, и, к стыду наших механиков, «безнадежный» трактор легко тащит наш тяжелый прицеп.

Мы идем по улицам родного города и с каким-то новым чувством пристального внимания и нежности смотрим на знакомые улицы, площади, дома: так перед долгой разлукой смотрят в лицо любимой...

Благополучно переправляемся через мост. Но на том берегу реки создается пробка. В суете и обычной неразберихе эвакуаций, как / сквозь землю, проваливается

«пленный» тракторист. Но теперь он нам не нужен: наши механики уже постигли капризный характер своей машины и к вечеру сами доводят ее до Крепостной.

Я никогда не забуду 9 августа 1942 года.

На севере, в туманной дали, стоит родной Краснодар. Один за другим грохают взрывы: это подрывники рвут то, что с таким трудом, с такой любовью и гордостью строилось годами.

Враг уже занял город. Там остались наши родные, близкие, любимые. Кто знает, какие муки ждут их...

Я смотрю на Евгения. Всегда веселый, ласковый, он потемнел: будто какая-то серая пленка покрыла лицо. Особенно глаза. Губы плотно сжаты. У рта легли суровые, резкие морщины.

Я знаю: лютая, неистребимая ненависть переполняет сейчас его сердце, принося с собой щемящую, почти физическую боль. И я не завидую врагу, который встретится лицом к лицу с этой ненавистью...

* * *

Мы идем к горам. Перед нами огромным кряжем стоит Карабет. Справа — гигантская подкова Сибербаша, слева — гора Саб. А за ней «отметка 521», та, что помечена на моей карте красным крестом. Здесь будет наш лагерь, наш новый дом, наша горная партизанская крепость.

Прекрасны предгорья Кавказа.

Вьется узкая дорога. За поворотом то причудливые очертания горы, то темный, мрачный, молчаливый лес. Воздух напоен пряным запахом цветов, пестреющих в густой по пояс траве.

Впереди — море гор. Их вершины, как гребни застывших гигантских фантастических волн, то голым

каменным пиком поднимаются в небо, то расцветают красочным узором цветущих лугов. И чем дальше к горизонту, тем горы все выше, все круче.

Дорога идет вдоль реки Афипс. Река изгибается замысловатыми, причудливыми петлями. Подчас она описывает почти полные окружности и вдруг поворачивает назад и вновь изгибается, кружит, и кажется, нет ста метров, где бы она текла прямо.

Мы проклинаям Афипс: двадцать восемь раз придется нам переправляться вброд через эту бурную горную речку, скользить на камнях ее дна, наткаться на острые коряги, неожиданно проваливаться в ямы.

Наконец на исходе вторых суток мы выходим на поляну. Где-то здесь, близко, должна быть «отметка 521», которую пока мы знаем только на карте.

На поиски ее выходит Евгений. Он возвращается в сумерки.

— Нашел, папа. Место как будто удобное: вдали от болот, есть родники, вокруг лес.

Утром отправляемся в путь.

Узкая тропа в густом, темном лесу. Русло высохшей речки. Резкий поворот влево. Три крутых подъема. И, наконец, широкая, просторная площадка.

Справа от нее высокий гребень горы; на него почти невозможно взобраться. Слева—глубокий, крутой откос; спуститься с него можно только по веревке. У обрыва небольшой родник.

В этот же день начинаем обживать свою «отметку»: разбиваем палатки, намечаем места для кухни, столовой, медпункта, в тайниках прячем часть оружия и боеприпасов. Наш картограф Г. Н. Ветлугин наносит тайники на карту тщательно зашифрованными отметками.

Не ожидая окончания строительства лагеря, Евгений (он у нас теперь начальник дальней разведки) лазает по

окрестным горам, изучает тропы, спускается в ущелья, навещает ближайшие станицы.

Но недолго приходится жить в нашем лагере. Обстановка на фронте резко изменилась. Немцы рвутся по долине Афипса в обход к Туапсе. «Отметка 521» слишком открыта. Надо искать новое глухое, неприступное горное гнездо, где можно было бы обосноваться на зиму, где, уходя на операции, мы могли быть спокойны за оставленное в лагере имущество. А главное — наша новая стоянка должна прочно закупорить дорогу фашистам к Туапсе.

И снова Евгений уходит в горы. Он карабкается на Карабет, он лазает по склонам гор Крепость, спускается в долины, десятки раз переходит вброд Афипс с его бесчисленными притоками — «афипсиками» — и не находит ничего подходящего: то нет близко воды, то место слишком открыто или неудобно для нанесения удара по коммуникациям врага.

Наконец за Малыми Волчьими Воротами, на южном склоне горы Стрепет, Евгений обнаруживает то, что ищет.

Мы снова отправляемся в путь. Опять несколько раз переправляемся через Афипс, карабкаемся на кручи, едем под нависшими скалами по краю обрыва, где малейшее неосторожное движение грозит увечьем и гибелью, и сами прокладываем себе дорогу — убираем камни, засыпаем ямы, рубим деревья.

Порой кажется, что по этой новой, узкой, извилистой тропе с трудом может пройти разве только верховая лошадь. Но Геня каким-то чудом ухитряется водить по ней машину, и наши инженеры и директора неплохо справляются с повозкой, запряженной парой упрямых волов.

Евгений нашел действительно идеальное место для лагеря.

Глухое, дикое, неприступное ущелье горы Стрепет. Ее склоны круты и обрывисты. Страшно даже подумать о подъеме на них, особенно в грязь и гололедицу. Но скрытая узкая, извилистая тропа ведет наверх, где в восьмистах метрах от подошвы лежит отлогий выступ, покрытый небольшими буграми. В плане выступ похож на гигантский вопросительный знак.

На этом-то «вопросительном знаке» мы и начинаем строительство нашего зимнего лагеря.

Строим всерьез, основательно и прочно. Для каждого взвода сооружаем отдельное жилье, общую кухню-столовую, командный пункт, лазарет и на крутом, почти отвесном склоне горы—помещение для дальней разведки.

Это не шалаши и не землянки. Это настоящие, прочные, просторные деревянные дома, для тепла чуть углубленные в скалу. Глиняная крыша не пропускает ни капли воды. Полы устланы досками.

В каждой из трех взводных казарм — широкие, просторные нары с тюфяками из сухих листьев, покрытых фильтротканью. Тут же столы, скамейки, пирамиды для ружей, полочки для всякой мелочи и обязательное зеркало. На столе стоят фонари «Летучая мышь» со стеклами из консервных банок для варенья и фитилями, сплетенными из ниток все той же фильтроткани.

В кухне большая плита с вмазанными в нее котлами и духовым шкафом и русская печь для выпечки хлеба и сушки сухарей.

Бани мы не строим. Да в ней и нет особой нужды. Основная часть нашего отряда всегда на операциях, в лагере остаются обычно человек восемь-десять и прекрасно успевают помыться в деревянной ванне, стоящей в кухне.

Особенно комфортабельно оборудован командный пункт: стены выложены досками, стоят отдельные кро-

вати, большой стол, на стенах висят карты. Командный пункт соединен телефоном с казармами, с помещением дальней разведки, с главной заставой.

У нас работает радио и есть патефон. Мы живем на горе Стрепет почти так же, как жили у себя дома, в Краснодаре. Только, пожалуй, еще более собранно, четко, организовано.

Единственное осложнение — вокруг немцы. Но наш «вопросительный знак» неприступен.

Сверху к нему нельзя подобраться: по этой крутизне едва ли рискнет спуститься даже горный козел.

Лагерь доступен только снизу. Но ущелье закрывает застава с завалами. Единственная тропка, ведущая к нам, так крута, что, взбираясь по ней, можно ставить ногу только на ребро. Два сторожевых укрепления простреливают тропу с фронта и флангов. Она же находится и под огнем наших казарм. Из помещения дальней разведки можно бить по ней из пулеметов. Наконец в любой момент в нашем распоряжении запасной выход из лагеря. Пройдя через него, мы быстро выходим в тыл наступающим.

Короче: несколько метких выдержанных снайперов смогут долго оборонять наш лагерь даже от крупной вражеской части.

Так выглядит наш «вопросительный знак», наш зимний лагерь на горе Стрепет. И жизнь в нем четкая, сытая, налаженная, зажиточная.

Но лагерь наверняка выглядел бы гораздо скромнее и жизнь в нем была бы труднее, неудобнее, если бы еще в Краснодаре Евгений так вдумчиво не отбирал своих товарищей.

На гору Стрепет приходят шестьдесят два человека — семь женщин и пятьдесят пять мужчин. Это почти исключительно городская интеллигенция — директора, инженеры, экономисты, техники, квалифицированные

рабочие. Из каждых десяти партизан восемь имеют среднее или высшее образование.

Вся их жизнь до ухода в предгорья была неразрывно связана с городом, заводом, преподавательской деятельностью, научной работой. И с первого взгляда казалось неизбежным, что новая, своеобразная обстановка на горе Стрепет застанет нас врасплох. Но здесь, в лагере, происходит обратное—именно то, к чему стремился Евгений, когда задавал будущим партизанам свои неперенные вопросы: «Каким ремеслом владеешь? Чем занимаешься на досуге?»

На нашем «вопросительном знаке» совершается серьезная переоценка ценностей.

То, что еще вчера было основным и любимым делом, без которого жизнь казалась пустой и беспцельной, отходит в сторону. Сегодня вспоминаются старые, забытые навыки и умения, на первый план выдвигаются увлекательные, интересные, но как будто такие никчемные занятия на досуге от нечего делать — и становятся нужными и самодовлеющими. Люди резко меняют свои профессии.

Я. М. Бибиков, директор маргаринового завода, — теперь наш главный сапожник. Никто не может сравниться с М. Д. Литвиновым, директором комбината, в мастерстве «вождения» наших волов. Инженер-нефтяник П. П. Недрига классически подковывает лошадей, ремонтирует подводы, мастерит сбрую. Инженер Н. Д. Причина—«Кренкель» нашего лагеря. Евфросинья Михайловна Конивиченко, бригадир Гидрозавода,—наш шеф-повар, угощает нас такими обедами, каким может позавидовать любой гурман-горожанин. И, наконец, директор мыловаренного завода Б. П. Веребей — лихой наездник.

Любо смотреть, когда на полном скаку он вырывает-

ся из кустов к табуна награбленных фашистами лошадей, ловко бросает аркан и на глазах у изумленных немцев спокойно уводит пойманного коня в предгорья. И кажется, никогда не был Веребей директором мыловаренного завода в Краснодаре, а всю жизнь провел в прериях Техаса, охотясь за мустангами, и сошел к нам со страниц Майн-Рида.

Так с первых же дней прочно налаживается лагерная жизнь, и партизанское хозяйство растет и крепнет.

Но нелегко дается зажиточная жизнь в предгорьях...

ОХОТНИКИ ЗА КОРОВАМИ

На горе Стрепет нам нехватало стада — нашего собственного партизанского стада, чтобы иметь вдоволь молока, бить масло из сливок, делать сыр, заготавливать мясо на зиму.

Своего стада, естественно, мы из Краснодара не захватили. Коровы, сохранившиеся у населения, были для нас священны и неприкосновенны. Оставались стада, награбленные фашистами. Но «своих» коров немцы зорко берегли. Значит, надо перехитрить немцев и в крайнем случае отобрать коров силой.

Охотниками за коровами вызываются Геня и Павлик.

Захватив с собой двух разведчиков, друзья верхами отправляются искать наше будущее стадо. Старшим на этой охоте назначается Павлик.

Выезжают, как всегда, на рассвете. Едут, минуя дороги, прячась по кустам и рощам. Не раз встречаются небольшие стада местных жителей, но, весело поболтав с пастухами, едут дальше.

Во второй половине дня над проселочной дорогой

между хуторами Консуловым и Шабановым появляется облачко пыли.

Осторожно, кустами, ребята подъезжают ближе: десяток немцев гонят около двухсот коров в станицу Смоленскую. Коровы откормленные, породистые — невозможно упустить такую добычу.

— За мной! — приказывает Павлик. И четверо всадников, стреляя на скаку, вихрем вырываются на дорогу.

Они обрушиваются на немцев, как гром с ясного неба: здесь, среди хуторов, занятых сильными гарнизо-нами, фашисты чувствовали себя в полной безопасности, тем более в этот ясный солнечный день.

Половина фашистов сразу же бросается наутек. Но пятеро, вскинув карабины, почти в упор бьют по всадникам.

Жужжа над головами, пули пролетают мимо. Очевидно, от испуга у немцев дрожат руки.

Схватка длится короткие минуты. На пыльной доро-ге лежат пять немецких трупов. Но стадо исчезло: ко-ровы разбежались и сейчас испуганно мычат в соседней роще.

Надо быстро собрать их и гнать к горам. Дорога каждая минута: из ближайшей станицы обязательно вы-скочит погоня, и тогда коровам уже не пастись в партизанском стаде.

Коровами можно завладеть только хитростью. И Пав-лик приказывает двум партизанам гнать основную часть стада в сторону, противоположную горам, сделать громадный крюк и вывести коров к Крымской Поляне, что лежит в предгорьях, недалеко от лагеря. Сам же вместе с Геней, прихватив для отвода глаз два десятка коров, открыто гонит их к горам.

Теперь ребята не пытаются скрываться. Наоборот, они едут в открытую, стараясь поднять как можно боль-

ше шума и пыли — только бы их заметила погоня, только бы оставила в покое основное стадо.

Фашисты на этот раз легко попадают на удочку: немецкие конники, вырвавшись на-рысях из станицы, бросаются за Павликом.

Друзья гонят несчастных коров вскачь, все дальше и дальше от стада. Но погоня настигает. Геня и Павлик, резко метнувшись в кусты, исчезают в ольшанике...

Через два дня охотники за коровами возвращаются в лагерь. Павлик докладывает:

— Задание выполнено: сто сорок голов скота пасутся на Крымской Поляне...

Теперь у нас свое стадо. Но нам нехватает верховых лошадей. И Геня с Павликом отправляются на новую охоту.

Ребятам везет: у хутора Макартет группа фашистских конников спешила и ушла на бахчу за арбузами. Коневодам стало скучно, и они разбрелись по хатам. Только два молодых немца остались сторожить лошадей. Да и те, закусывая, разлеглись на траве.

Бесшумно подползают ребята по бурьяну. Без выстрела, работая финскими ножами, снимают коневодов, связывают лошадей и гонят их по тропе в лес.

К нашей заставе у лагеря подъезжают торжественно. Впереди — Павлик. За ним, связанные уздечками по две, послушно идут лошади. Сзади, в облаке пыли, — сияющий Геня...

Охота понравилась ребятам, и как-то однажды, уйдя на обычную разведку в хутор Науменко, они возвращаются на гору Стрепет с необычным подарком.

Прежде всего задолго до их появления слышен скрип немазаной телеги. Он все ближе и ближе. Наконец из-за поворота появляется пара волов. На возу восседают Геня и Павлик. У обоих в руках длинные хвостыны.

Как заправские погонщики, ребята невозмутимы. Не торопясь, нарочито лениво, они бьют хворостинами своих волов. При этом Геня меланхолично повторяет:

— Цоб!

Павлик вторит ему:

— Цобе!

Волы в недоумении — кого же слушать: один хозяин приказывает повернуть направо, другой — налево. И волы неодобрительно качают головами.

К возу привязаны верховые лошади разведчиков. А на возу, спеленутая веревками, жалобно стонет какая-то жалкая фигура в лохмотьях, с сине-багровым «фонарем» под глазом.

— Разрешите доложить, товарищ командир отряда? — рапортует Павлик. — Разведка хутора Науменко выполнена. Чтобы не возвращаться обратно порожняком, по дороге отбили у румын этих волов. Кстати и одного румына прихватили: может быть, что-нибудь толковое расскажет.

— Только ты, папа, дай ему отдохнуть часика два-три, — прибавляет Геня, — а то мы его малость помяли.

ТАИНСТВЕННОЕ ПОХИЩЕНИЕ ИНЖЕНЕРА ЛУСТЫ

Стоит один из тех ясных ласковых дней, когда суровая, дождливая осень еще не вступила в свои права, но солнце уже не печет, как прежде, а небо по-летнему высокое и голубое.

Далеко за полдень. Мы с Евгением сидим в столовой лагеря и обсуждаем план очередной диверсии.

Телефонный звонок:

— Говорит заставка... С Лустой несчастье... Сейчас у вас будет пастух, он все расскажет...

В столовую, запыхавшись, вбежал Федор.

— Мы пасли скот на склоне Афипса. Ночью напали неизвестные. Их было человек пятнадцать. Я с Власовым отстреливался, пока были патроны. Потом спрятались в стог сена. Грабители схватили Лусту — он стоял в карауле — и, угнав девять коров, скрылись. Что за люди, в темноте разобрать не удалось. Знаю только, что говорили и по-немецки и по-русски. На рассвете мы перегнали стадо на базу соседнего отряда, а я бросился сюда.

Таинственное, загадочное происшествие: кто-то напал на наше глухое, далекое, высокогорное пастбище, куда даже не каждый из нас знает дорогу. Похищен Леонид Федорович Луста, инженер Гидрозавода, наш минер и боец второго взвода. Уведены коровы...

— Геня, Мусьяченко, Павлик, по коням! — приказываю я. — Александру Дмитриевичу Куцу взять трех бойцов и догонять нас. Путь держать к горе Афипс, на базу соседнего партизанского отряда.

Быстрым аллюром лошади выносят нас по лесной дороге из лагеря. Впереди Мусьяченко, — он лучше других знает дорогу. За ним Геня, за Геней я, сзади нас прикрывает Павлик.

Извиваясь, дорога идет между купами деревьев и отвесными обрывистыми скалами. Рядом течет Афипс; несколько раз приходится нам переправляться через него.

У Малых Волчьих Ворот попадаем в большую воду. Убавив рысь, вытянув вперед головы, спотыкаясь о скользкие камни на дне реки, кони выносят нас на высокий берег.

— Стой, ребята! Что за пожар?

Из кустов выходят моряки в тельняшках. Это четверо наших друзей, матросов-партизан соседнего Архипо-Осиповского отряда, возвращаются из глубокой разведки.

Коротко рассказываем о похищении Лусты.

— Мы — с вами: любопытно узнать, кто это добрых людей по ночам крадет. Но пеший конному не товарищ. Мы пойдем напрямик, авось, не опоздаем. До встречи!

Снова широкой рысью мчатся кони. Уже осталось позади древнее забытое черкесское кладбище, смешанный лес с полянами — и перед нами Большие Волчьи Ворота.

Будто сказочный великан громадным мечом рассек надвое гору. В глубоком темном ущелье ревет Афипс. Узкая тропа — на ней не разъехаться двум всадникам — тесно жмет к отвесной скале. Над головой висят каменные глыбы. Знаменитое «Пронеси, господи» Военно-Грузинской дороги в подметки не годится Большим Волчьим Воротам.

За Воротами густой, темный лес. Я никогда не видел таких деревьев-великанов: строевые корабельные сосны нашей Центральной России рядом с ними кажутся мелкой порослью.

Дорога становится все круче. Усталые лошади идут шагом. Спешиваемся и ведем лошадей под уздцы.

Спускаются сумерки. А тропа все круче, все извилистее...

Неожиданно из кустов прямо на нас выскакивают огромные злые кавказские овчарки: мы добрались наконец до базы соседнего партизанского отряда, где мирно пасется наше стадо.

Рассказ Власова не дает ничего нового: все попрежнему так же загадочно и таинственно.

Мы устали. Заманчиво остаться здесь, в этом шалаше, обтянутом шкурами, и уснуть у костра. Но отдыхать рано.

Наскоро выпив по кружке горячего чая, закусив ломтями кукурузного хлеба, снова уходим в темноту.

Ночь безлунна. Не видно даже крупа лошади, иду-

щей в двух шагах передо мной. Ориентируемся по слуху. Под ногами рытвины, ямы, камни, стволы упавших деревьев.

Переваливаем через гору Афипс. Начинается спуск.

Перед нами крутой, почти отвесный обрыв. Под ним наше пастбище, где прошлой ночью похитили Лусту. Но в эту кромешную тьму спускаться невыносимо.

Решаем заночевать. Ложимся тут же, на земле, подстелив одеяла и выставив караул.

Меня будит Геня:

— Папа, вставай, — уже светает.

Под деревьями еще темно, но на востоке небо уже побелело.

Осторожно спускаемся с обрыва. Иногда приходится ползти на карачках. Наши горные лошади съезжают на зад.

Наконец мы на месте происшествия. Ясно видна помятая трава. Но крови нет — значит, Лусту взяли живым.

Внимательно рассматриваем следы. Их много на траве, на песке, на влажной глине у ручейка — отчетливые, ясные отпечатки подошв, подбитых гвоздями с широкой шляпкой.

— Немцы, — уверенно говорит Мусьяченко.

У ручья следы исчезают, будто здесь грабители поднялись на воздух, захватив с собой и Лусту и коров.

Снова лазаем по кустам, вдоль ручья, у обрыва — ничего. Но Мусьяченко не отчаивается:

— Найдем. Быть того не может, чтобы следов на земле не оставили.

Поиски длятся добрых полчаса. Геня нервничает:

— Папа, они никуда не ушли. Они где-то здесь, в кустах.

С обрыва скатывается камень. За ним — второй, третий.

Мы быстро ложимся в густую высокую траву. Неужели Геня прав и грабители тут, рядом?..

Но сверху раздаётся знакомый треск цикады: это наши дают знать о себе. И через несколько минут на поляну спускаются четверо моряков и трое партизан во главе с Куцем.

Они встретились за Большими Волчьими Воротами. Наши ехали верхом. Моряки, положив на лошадей оружие и заплечные мешки, бежали рядом, держась за стремена.

И снова начинаются поиски следов. И снова никакого результата.

— Нашел! — кричит наконец Мусьяченко.

Мы подбегаем к нему. Он стоит на берегу ручья. У его ног еле заметные следы. Но он смотрит на них и говорит уверенно, будто читает раскрытую книгу:

— Войдя в ручей, грабители долго шли по воде, чтобы сбить нас с толку. Здесь они вышли на берег. Их примерно человек пятнадцать-семнадцать. Ходить по партизански, след в след, не умеют. Среди них идет Луста, вот отпечаток его сапог. Он ступает уверенно и твердо, — очевидно, не ранен.

— Ну, теперь все в порядке! — радуется Геня.

— Не очень. Эта тропа ведет к Холодной Щели. Если они доберутся до нее, их оттуда не выкуришь: они перебьют нас, как куропаток. Я хорошо знаю эти места.

Быстро принято решение: моряки идут по следам: Куц во главе трёх партизан сворачивает влево, чтобы закрыть дорогу грабителям в Улановку; моя группа, справа огибая тропу, должна опередить врагов и закупорить вход в Холодную Щель.

Застоявшиеся кони берут с места быстрым наметом. Узкая тропка, то взбираясь на холмы, то круто спускаясь вниз, вьется между деревьями, временами огибая скалы.

Мчимся уже около двух часов. Коня начинают намо-

кать. Моя рыжая лошаденка вся потемнела от пота и тяжело дышит.

Мы вырываемся наконец на открытую поляну, со всех сторон окаймленную кустами. Перед нами узкий вход в ущелье, заросший орешником.

— Холодная Щель! — кричит Мусьяченко.

Мы несемся через поляну. Я вижу, как Геня на полном скаку придерживает лошадь и внимательно всматривается во что-то темное на тропе: на желтом песке в открытой кобуре лежит револьвер.

— Вперед, Геня! Вперед! Ловушка!

Геня резко бросает коня в сторону.

Слева из кустов грохают выстрелы. Пули жужжат над головой. Геня, чуть задержав лошадь, прикрывает меня своим телом.

Мы карьером несемся вперед. Враги явно бьют по всадникам: им нужны наши кони.

В орешнике у входа в Щель соскакиваем на землю и кладем лошадей. Умные кони замирают, вытянув ноги и спрятав головы за камни. Мы ложимся за брюхо лошадей и по очереди бьем на вспышки выстрелов в темных кустах на той стороне поляны.

Перестрелка длится минут пятнадцать.

Слева вспыхивает частая ружейная стрельба. Это подошла группа Куца и, решив, очевидно, что мы попали в беду, ринулась в атаку.

Огонь становится все яростнее. Под защитой кустов враги подползают к нам все ближе и ближе. Силы слишком неравны, чтобы принимать открытый бой. Надо попробовать перехитрить грабителей. И я приказываю своим «умирать» по очереди.

Первым прекращает стрельбу Павлик. Его «труп» лежит за брюхом лошади. Но его трофейный автомат попрежнему обращен в сторону врага, палец на курке, и Павлик не спускает глаз с кустов.

Вторым «умирает» Мусьяченко, за ним — Геня, и, наконец, «умираю» я.

Враги бьют несколько минут. Мы молчим.

Из кустов выглядывают два немца и тотчас же исчезают. Потом снова вылезают и медленно идут к нам, временами припадая за бугры.

Мы попрежнему лежим неподвижно. Только моя рыжая лошадь дрожит мелкой дрожью.

Немцы приближаются. Между нами всего лишь пятьдесят метров. Павлик еле заметным движением подвигает к себе автомат. Я глазами приказываю ему замереть.

В кустах вспыхивают новые выстрелы и раздается громкое «ура»: это входят в бой моряки.

Немцы испуганно прячутся за камни. Потом один из них приподнимается, внимательно разглядывает наши «трупы» и кричит своим:

— Они мертвы! Вперед, за мной!

Отстреливаясь, немцы выскакивают из кустов. За ними, прячась за камнями, бегут матросы. Левее, наперез немцам, спешит группа Куца.

Мы попадаем в тяжелое положение. Стрелять мы бессильны — можем поразить своих. Лежать «трусами» и пропустить врагов в Холодную Щель — бессмысленно.

Не сговариваясь, Геня с Павликом поднимаются во весь рост и бросаются навстречу немцам.

— Ложись! — кричит Павлик, широко размахнувшись гранатой.

Появление оживших мертвецов производит должное впечатление. На несколько секунд немцы замирают, как вкопанные, тесно сбившись в кучу.

В их гуще рвется граната Павлика. За ней летит граната Геня. Третьей рвется «лимонка» Мусьяченко. Последней летит моя граната.

Уцелевшие немцы бросаются к кустам. Геня и Пав-

дик, припав на колени, бьют по ним из карабина и автомата.

Только четверем немцам удается спрятаться в кустах. Но матросы, выхватив ножи, бегут за ними.

Через несколько минут все кончено.

Мусьяченко почти не ошибся, когда считал следы у ручья: их было шестнадцать — двое предателей и четырнадцать матерых фашистов-диверсантов. Судя по найденным у них документам, они пришли в предгорья, чтобы из-за угла перебить командование наших партизанских отрядов.

Очевидно, они предполагали обосноваться в горах надолго и решили обзавестись своим стадом. Поэтому и навестили наше пастбище. Лусту же, надо думать, захватили как «языка», надеясь получить от него нужные сведения.

Но где же Луста?

Мы внимательно осматриваем кусты, мы лазаем по окрестным скалам, мы находим наших коров: испугавшись выстрелов, они разбрелись по кустам, — но Лусты нет. И спросить о нем не у кого: моряки перестали и не оставили в живых ни одного диверсанта.

Мы собираемся в обратный путь. Здесь, у Холодной Щели, остаются Павлик и Геня; они должны обшарить каждый кустик, но Лусту найти живым или мертвым.

Цепочкой пересекаем поляну. И вдруг справа на скале появляется фигура.

— Луста! — кричит Геня.

Молодежь бросается к нему. Он спускается к нам медленно, тяжело опираясь на плечо Павлика.

Оказывается, немцы произвели ему допрос «с пристрастием», стараясь выпытать сведения о партизанах, но ничего не добились и отложили разговор до следующего раза. А тут разгорелась схватка, немцам было

Не до него, ему удалось отползти в кусты, с громадным напряжением сил перепилить об острый камень ремни, связывавшие руки, освободить ноги и спрятаться в глухой расщелине. Но здесь, после мучительного допроса и всех передрыг и волнений, он потерял сознание и пришел в себя только сейчас, когда услышал на поляне знакомые голоса.

РЕЙД К МОСТУ

Большое собственное, хорошо организованное хозяйство нам нужно, как воздух. Мы знаем: когда в лагере тепло и сытно, когда на складе достаточно боеприпасов, когда вдоволь горючего у Гениной машины, когда на пастбищах пасутся коровы и лошади, тогда может идти и настоящая подрывная, диверсионная работа — четкая, организованная, безжалостная, все нарастающая. Но это отнюдь не значит, что, придя в предгорья, мы вначале только устраиваем свой быт, только обживаем наш лагерь и лишь потом, исподволь, приступаем к боевым операциям.

В нашем отряде преобладают люди точных профессий. Они ценят время, они умеют пользоваться им, как боевым фактором, и диверсионные операции проходят параллельно с организацией партизанского хозяйства.

8 августа мы выходим из торящего Краснодара. 20 августа уже осуществлена первая операция, 25 августа — вторая, через пять дней — третья, и в таких темпах, четко, организованно, по строгому непреложному плану идет наша боевая работа.

Вначале трудно привыкнуть к этому своеобразию партизанской жизни, к строгому расписанию дня, когда каждый час на учете, когда каждую секунду, даже во

сне, надо быть на-чеку и смотреть прямо в глаза смерти, быть может, мучительной и страшной.

Не все из нас горные охотники, как братья Мартыненко. Не каждый, подобно Мусьяченко, пятнадцать лет бродил по горам с мензулой и нивелиром. Не все выросли в этих предгорьях, как Карпов.

Большинство из нас — горожане. Некоторые видели горы только из окна вагона да на курортах Черноморья. А надо быстро научиться ходить, так, чтобы даже в темную, безлунную ночь ступать след в след, строго соблюдая интервалы, точно зная свое постоянное место в цепочке. Ориентироваться в горах в солнечный день и в ненастную, дождливую ночь, по солнцу, по звездам, по коре дерева, по узору на срезе пня. Уметь находить кабаньих след на тропе и знать, что если след свеж, можно идти спокойно: тропа не заминирована. Разучиться громко разговаривать, памятуя, что сплошь и рядом громко сказанное слово на лесной тропе ведет за собой смерть. И в то же время сродниться с автоматом, пулеметом, гранатой, уметь быстро закладывать мину и потом так замаскировать, чтобы товарищ, работающий рядом, не мог обнаружить ее.

Это не легко. Но Евгений неумолим. С первого же дня он требует безоговорочного выполнения всех заповедей партизанской жизни. Он запрещает громко разговаривать даже в лагере, чтобы случайно на лесной тропе не вырвался бы неосторожный оклик. Он составляет для каждого уплотненное расписание. Но все это делает так мягко, весело, непринужденно, с каким-то особым врожденным тактом, что выполнять его распоряжения легко и приятно.

Скоро этот суровый распорядок дня становится понятным, естественным, логичным. Он входит в плоть и кровь. Многие неожиданно для самих себя вдруг

открывают, что здесь, в предгорьях, они начали жить интересной жизнью, до края переполненной нужным, живым делом. И рискованная, опасная диверсионная работа становится такой обычной, что сплошь и рядом наши инженеры, уходя на операцию, шутя говорят своим друзьям, как говаривали еще недавно в Краснодаре:

— Ну, мы на комбинат.

И еще одна черта присуща работе нашего отряда: у нас не проходит ни одной мало-мальски серьезной операции, которой не предшествует самая тщательная разведка. И опять-таки душа этой разведки — Евгений.

Фашисты занимают окрестные хутора и станицы. Здесь они накапливают силы, чтобы отсюда прорваться через предгорья в обход Новороссийска. Наша задача — закрыть врагу все дороги на запад, к морю: рвать мосты, железнодорожный путь, организовывать диверсии на шоссе.

Иногда наблюдение за объектом будущей диверсии длится долгие дни. Разведчики изучают каждую тропу, каждую лощину, каждую извилину проволочных заграждений, расположение пулеметных гнезд, силу вражеского гарнизона и его распорядок дня. Разведчики ведут подробные дневники своих наблюдений. Эти записи дополнительно проверяются данными агентурной разведки. У нас в станицах много друзей, и когда наступает время, наши минеры-диверсанты приходят на операцию, как в свой родной дом, где знаком каждый закоулок, каждая половица, где нет и не может быть неожиданностей.

И только один раз не удается Евгению провести разведку по всем обязательным правилам нашего отряда.

...Разведка верхами подходит к хутору Макаргет, спешивается, прячется в кустах. Г. Ф. Журба, турбин-

ный мастер и наш дальний разведчик, с револьвером и гранатой ползет к хатам.

У первой хаты ни души. Журба тихо стучит в окно.

На крыльцо выходит седобородый, сторбленный старик. Журба прикладывает палец к губам. Потом, коснувшись рукой кобуры, показывает на землю рядом с собой: молчи, дескать, иначе — смерть.

— Дедушка, скажи, где у вас немцы стоят?.. Не бойся, дедушка...

— Нечего мне бояться, сынок: страшнее того, что видел, не увижу,— шепчет старик.— Немцы на том конце хутора. Сейчас обедают. Но к ним не подберешься — у них караулы на крышах. Всё видят, проклятые. Курица зашебаршит на огороде, и ту окликнут.

Старик оглядывается по сторонам и продолжает:

— К нам наемни приходила разведка автоматчиков-партизан, хотела немцев тихо накрыть—и половина наших осталась на месте... Уходи, парень! И своим накажи, чтобы носа не показывали к нам. И в Ново-Алексеевский не ходите, и в Свободный — там то же, что у нас. Иди, парень, пока жив. Иди.

Журба ползет обратно.

Положение сложное. Задумано взорвать железнодорожный мост через реку Убинку. Для этого надо разведать все хутора, что лежат на дороге к мосту, выяснить живую силу противника, добраться до моста, заснять подходы к нему, засесть огневые точки.

В лагере все это казалось обычным, простым и легким. Но, оказывается, путь к мосту лежит через станции, зорко охраняемые немцами. Правда, можно было бы обойти их, но это слишком далеко. Да и кто поручится, что и там нет немцев?..

— Проверить седловку и оружие, — приказывает Евгений. — По коням!

Разведка открыто подъезжает к хутору, шпорит лошадей, вскачь мчится навывлет. И только за околицей вдогонку раздаются автоматные очереди.

Потом едут шагом: берегут коней. А через Ново-Алексеевский опять вихрем проносятся по улице.

В Свободном принимают бой. У Евгения тяжело ранена лошадь. С ходу он пересаживается на коня убитого им фашистского офицера и, отстреливаясь, догоняет своих.

Уже виден мост. Но перестрелка в хуторах всполошила охрану. Немцы залегли в окопах и открыли частый огонь.

Тем лучше: они предупредительно показывают разведке все свои огневые точки.

Евгений быстро набрасывает план, засекает окопы, пулеметные гнезда, минометы.

В лагерь возвращаются далеким кружным путем...

— Приказание выполнено, — докладывает Евгений и протягивает мне лист бумаги. Это подробный план подходов к мосту — тропы, дороги, лощины, кусты, ломаная линия окопов, и кружочками и крестиками помечены минометы и пулеметные гнезда. Будто весь день сидел Евгений у моста, спокойно смотрел и чертил.

— В Свободном произошла стычка, — сухо заканчивает Евгений. — Убито восемь и ранено двадцать фашистов. У нас потерь нет.

РАЗВЕДКА «МАЛЫШЕЙ»

Несколько отличной от обычных «взрослых» разведок была разведка наших «малышей».

...Маскарад длится довольно долго. Надо одеться под деревенского парнишку, раздобыть сумку, с которой обычно ходят пастухи, взять ломоть кукурузного

хлеба и пару луковиц и так хитро запрятать заветный револьвер, чтобы его не нашли при обыске, но чтобы он был всегда под рукой.

Сегодня Геня отправляется в Георгие-Афипскую. С ним вместе идут его друзья — такие же, как он, ребята из соседних партизанских отрядов.

Это не первая самостоятельная разведка Гени. Частенько уходил он с приятелями в станицы, занятые немцами, совал нос в самое пекло, не раз попадал в сложные переделки, но всегда выходил сухим из воды, принося в лагерь ценные сведения.

Гене разведка давалась легко: к этому оборванному чумазому пастушонку обычно не приставали фашистские патрули, на хуторах его привечали и скрывали сердобольные женщины, и всюду находились у него закадычные друзья. Вначале горячо поспорив с ними о голубях и рыбной ловле, он вместе с ними подслушивал разговор у комендатуры, обегал все дворы и подсчитывал машины, разбрасывал листовки, выкрадывал последние немецкие газеты, относил «Правду» подпольщикам.

Но на этот раз разведка предстояла ответственная: немцы стягивали силы в Георгие-Афипскую, подготавливали переброску их к Новороссийску и зорко следили за всеми, кто появлялся в станице.

Как всегда, из лагеря ребята выходят ночью. Итти по шоссе опасно, и они колесят по проселочной дороге, что кружным путем ведет с предгорий на равнину.

На рассвете подходят к хутору Рашпилев. Их останавливает румынский патруль.

Обыск. Геня нервничает. У него в одежде спрятан револьвер — маленький бельгийский браунинг. Геня нашел его еще в Краснодаре в куче железного хлама, два месяца возился с ним, где-то раздобыл патроны и

теперь гордится своим револьвером, который действительно бьет неплохо.

Обыск проходит благополучно. Начинается допрос.

— Куда идете?

— Из Ново-Алексеевки. Мы тоняли туда скот по приказу господина коменданта.

— Кто такие?

Ребята, перебивая друг друга, называют фамилии и даже смешные прозвища станичников Георгие-Афипской, уверенно описывают дома, вспоминают ребятишек и обрушиваются на румын такой грудой мелочей и подробностей, что начальник патруля, махнув рукой, приказывает пропустить их.

В Георгие-Афипскую входят осторожно, стараясь не попасть на глаза полицейским, и пробираются к друзьям.

К вечеру все выяснено: какие части прибыли в станицу, сколько танков, машин, пулеметов, какие калибры орудий, где расположен склад боеприпасов. Геня даже заходит на железнодорожную станцию и долго бродит по путям, наблюдая, как грузятся составы.

Из станицы выходят в сумерки. Идут тихо, осторожно, чутко прислушиваясь к каждому шороху.

У табачного сарая под Смоленской раздается громкий окрик:

— Стой!

Ребята шарахаются в сторону. Но уже поздно: два полицейских, лежавших в засаде, направляют на них дула винтовок.

— Кто такие? Откуда? Почему шляетесь по ночам? Зачем уздечки?

Ребята пытаются вывернуться: у них-де пропали лошади, лошади эти немецкие, они искали их всю ночь, не нашли, а теперь боятся идти домой — без коней в станицу возвращаться не велено.

Полицейских это не убеждает.

— Руки вверх!

Геня, незаметно зажав в правой руке свой маленький револьвер, подходит первым. Резко опускает руку и в упор бьет из браунинга в обоих полицейских.

Навалившись, ребята отбирают у них оружие и бросаются в кусты.

В станице поднимается тревога. Стреляют часовые, у околицы бьет дежурный пулемет. Пули свистят над головой, а ребята несутся стрелой, падают, поднимаются, снова падают и снова бегут цепочкой, стараясь в темноте не потерять друг друга.

Розовеет восток. Из предутреннего тумана вырисовываются кусты, станица, далекие горы.

Погоня настигает.

Геня резко поворачивает влево, к Афипису. Немцы теряют из виду ребят, но не надолго — пули снова свистят над головами.

С разбега ребята бросаются в реку. После недавних дождей Афипис ревет и клокочет, неся с собой коряги и камни, и кружит в водоворотах.

Ребята плывут саженьками. В кровь сбивая ноги об острые коряги, вылезают на противоположный берег и ныряют в кусты. Вслед им несутся автоматные очереди.

Низко пригнувшись к земле, Геня кружит в густом прибрежном ивняке и уверенно ведет ребят к далекому темному лесу.

Поднимается солнце. Тают туманы. Где-то далеко впереди сияют снеговые вершины.

Выстрелы смолкают: немцы не решаются вплавь переправиться через бурный Афипис и, постреляв минут двадцать по кустам, уходят в станицу.

Ребята выжимают мокрую одежду и кружным путем к вечеру возвращаются в лагерь.

Геня коротко докладывает мне о результатах разведки, но ни слова не упоминает ни о полицейских, ни о погоне, ни о бурном, быстром Афиесе.

Мне удается узнать обо всем этом лишь спустя много времени. и то случайно, от одного из приятелей Гени.

* * *

Отчаянные были у нас ребята. Отчаянные и скромные. Помню, Геня с друзьями уходит в разведку. Где-то в кустах, на глухой тропе, подкарауливают двух немцев и живьем берут их в плен. Двое парнишек остаются сторожить фрицев, а Геня с Павликом отправляются дальше.

Они идут по железной дороге, заглядывают в Северскую, Холмскую, Абинскую, доходят даже до Крымской — и слушают, смотрят, запоминают.

Но в Крымской немцы спохватываются. То ли фашисты узнают о пропаже двух своих разведчиков, то ли подозрительными кажутся им эти два молодых паренька, слишком любопытные и внимательные, которых они так легкомысленно пропускали через все заставы. В Крымской — тревога. Ребят ищут. О них передано по линии, по заставам, хуторам, станицам.

Прячась в кустах, ползком огибая заставы, не раз отстреливаясь от погони, Геня с Павликом только на четвертые сутки, голодные, усталые, в лохмотьях, возвращаются на условленное место, где приятели сторожат перепуганных пленных.

Отдохнув, они переправляют пойманных фрицев через линию фронта и докладывают командиру части о том, что видели в станицах и на железной дороге.

Я до сих пор так и не узнал толком, что же сообщили ребята командованию. Но перед строем началь-

ник разведывательного отряда дивизии горячо расцеловал ребят и крепко пожал им руки.

Помню и такой случай.

Ребятня разведка отправляется в станицу Смоленскую. Одетые деревенскими парнями, с голубями в руках, но спрятав в карманы гранаты и револьверы, они веселой гурьбой идут по улице.

На пригорке — здание штаба. Около него необычное оживление: то ли выпивка, то ли деловое совещание.

Прячась в кустах, ребята огородами подползают к штабу. Вдоль стены ходит часовой.

Когда он поворачивает за угол, ребята бросаются к дому и швыряют в окна гранаты.

Взрывы, паника, суматоха, беспорядочная стрельба, но парнишки уже ящерицами ползут по далеким кустам и благополучно уходят в лес.

«ОХОТА» СНАЙПЕРОВ

В свободные часы между разведкой и диверсионными операциями наши партизаны любили ходить «на охоту».

Обычно снайперы выходили парами: первый с оптической винтовкой, второй — с биноклем (и тоже, конечно, с винтовкой). Один находил интересного, стоящего немца, второй бил его.

Так было задумано и на этот раз. Но разве можно предугадать, что ждет охотника в предгорьях?..

Сидоров и Власов на рассвете выходят из лагеря соседнего партизанского отряда. Они поднимаются на

гору: на перевале, на скрещении двух троп надо ждать сегодня хорошей охоты.

Внизу, в ущелье, еще клубятся белые клочья тумана, а чуть вправо, на берегу реки, расплавленным золотом уже горит на солнце желтый песок. На склоне горы нервно дрожит серебристая листва осины, карагач раскинулся пышными кучами, и темным массивом стоит у расщелины густой орешник.

В далеком синем небе, широко размахнув зубчатые на концах крылья, плывет над головой горный орел, издали высматривая добычу. Он взмывает все выше и выше. Вот только черная точка мерещится в ясной лазури и пропадает в киневе неба.

Охотники подходят к развилке троп. Здесь лежат громадные камни, поросшие серым мхом.

Сидоров садится, снимает рюкзак.

Вдруг сзади, из орешника, раздается выстрел.

У Сидорова слетает фуражка. Охотники падают на землю, прячась за камнями.

Власов ждет несколько минут и осторожно, стараясь не выдать себя, медленно снимает свой заплечный мешок.

Гремят сразу несколько выстрелов. Пули ударяются о камень, срывая кусочки серого мха.

Теперь ясно: несколько человек бьют из левого крайнего куста.

Быстро меняя позиции, перекатываясь через спину, охотники стреляют на вспышки в темной зелени орешника.

Судя по частоте выстрелов, в кустах, по меньшей мере, пять-семь человек. Они пришли сюда значительно раньше, заняли выгодную позицию, и наши охотники стали мишенью для них.

Предстоит тяжелая борьба, рассчитанная на выдерж-

ку, крепкие нервы, меткий глаз. Шансов на выигрыш мало. Надо хотя бы дороже продать свою жизнь.

Огонь из орешника усиливается. Одно время он замирает на несколько минут, но скоро вновь разгорается с удвоенной силой.

Враги длинной цепью раскинулись по кустам. От их пуль все труднее прятаться за камнями — старые позиции теперь простреливаются фланговым огнем. А уходить некуда — вокруг ровная площадка. Только внизу, на обрыве, — купа деревьев. Но до них не добежишь...

Вскрикнув, Сидоров роняет винтовку: пуля угодила ему в ногу.

Власов ползет к товарищу, и резкая боль обжигает плечо. Правая рука повисает, как плеть.

Винтовки партизан замолкают. Сейчас — конец.

Враги еще ждут — они боятся ловушки.

Но вот из кустов, держа винтовку на прицеле, осторожно выглядывает белобрый немец. Он хочет собственными глазами увидеть, что стало с партизанами.

Сухо бьет винтовка. Фриц падает, сраженный насмерть. Второй выстрел — и в орешнике предсмертным криком кричит новая жертва.

Это в игру вступил кто-то третий. Он — на скале, висящей высоко над орешником.

Теперь, в свою очередь, охотники в кустах становятся дичью: со скалы их можно перебить, как кроликов.

Единственное спасение для них в той купе деревьев, что растет внизу, на обрыве.

Пригибаясь к земле, фашисты цепочкой выбегают из кустов. Их семь человек. Со скалы вдогонку бьют семь выстрелов. Последнего пуля настигает у самой опушки. Он падает лицом вниз, широко раскинув руки.

Через несколько минут, спускаясь со скалы, к ране-

ным партизанам подходит Евгений со снайперской винтовкой в руках.

— А ну-ка, показывайте, как вас продырявили...

Так неожиданно иногда заканчивается в предгорьях охота на фрицев.

* * *

Дорога, что идет мимо хребта Карабет, огибая гору Саб; — место безлюдное и глухое; тенистые карагачи спускаются по крутому ущелью, и густая ольха подходит к самой обочине.

Этот путь облюбовали немецкие разведчики. Осторожно пробираясь кустами, ходили здесь связные-партизаны.

Первое время у горы Саб все было мирно и спокойно. Будто существовал какой-то неписанный закон: немцы не трогали партизан, а связным-партизанам было не до фашистов.

Неожиданно все резко изменилось: один за другим начали исчезать наши связные. Их находили убитыми в ольшанике у дороги. Убийца был метким и бережливым стрелком: он поражал свою жертву первой и единственной пулей. Здесь явно орудовал матерый немецкий охотник-снайпер.

Его искали, пытались перехитрить, заманить в ловушку — он был неуловим.

Иногда после таких облав казалось, что фашистский снайпер прекратил охоту. Но на следующий день у горы Саб раздавался одиночный выстрел — и на тропинке у обочины беззвучно падал партизан, сраженный пулей в голову.

Братья решили во что бы то ни стало найти охотника.

Погожий солнечный день. По тропинке у дороти медленно идут Евгений и Геня. Они прислушиваются к каждому шороху. Они внимательно осматривают кусты и деревья. На песке тропинки они ищут хотя бы след охотника: пустую гильзу или отпечаток подметки, подбитой гвоздями с широкой шляпкой.

На дороге попрежнему все тихо и безлюдно. Только где-то далеко за горным краем глухо ухают пушки да весело перекликаются в лесу иволги.

Братья поворачивают обратно. Они идут той же тропой. Но теперь они разделились: Геня идет впереди, настороженно всматриваясь в кусты; Евгений чуть поодаль от него следит за деревьями.

И снова никого на этой глухой, будто заколдованной тропе...

Чуткое ухо Евгения ловит еле слышный шорох. В густой кроне карагача шевелится ветка. Появляется дуло снайперской винтовки. Оно медленно поворачивается вслед за Геней.

Все решают секунды.

Евгений быстро падает на колени и бьет по карагачу.

С дерева падает винтовка с оптическим прицелом. За ним медленно, будто неохотно отрываясь от густой спасительной зеленой кроны, тяжело сползает на землю тело убитого снайпера...

С тех пор по дороге у горы Саб спокойно ходили партизанские связные.

* * *

В нашем лесу жил старый дед-пасечник. Его охотно посещали все — и немцы, занимавшие соседние хутора, и партизаны с предгорий, и разведчики, посланные с поручениями к партизанам; пасека лежала на глухой

лесной поляне, вдали от хуторов и проезжих дорог, и мед у деда был янтарный, душистый и сладкий.

Однажды мы ждали к себе посланцев от командира Н-ской части Красной Армии. Ждали—и не дождались. Дело не терпело отлагательств, и Евгений сам отправился через линию фронта.

Сын вернулся мрачным. Оказывается, двое бойцов-разведчиков были посланы к нам—и пропали. Их путь лежал через пасеку. Есть основание полагать, что они заглянули к деду полакомиться медом.

Надо было проверить, действительно ли бойцы были у деда, отыскать их трупы и отомстить убийцам.

Группа дальней разведки под начальством Евгения верхами отправляется в путь. К поляне подъезжают на рассвете.

Оставив группу в лесу, Евгений осторожно пробирается к пасеке, ложится в кусты на опушке и слушает.

На поляне чужих нет. Только старый дед возится около ульев и что-то сурово выговаривает пчелам.

Пасечник с Евгением — старые знакомые. На столе под развесистым кленом появляется миска с медом и ломоть свежего ноздреватого белого хлеба.

Дед говорит отрывисто, сердито:

— Правильно, были у меня два бойца. Ели мед. Как на грех — топот. Бойцы — в кусты. А один — чернявый такой — шепнул: «Когда проводишь гостей, дедушка, свистни: уж больно мед у тебя сладкий»... Приезжают верхами германцы. Человек десять. Нажрались — и обратно. Подождал немного, вытер стол после поганых и думаю: сейчас свистну парням. Вдруг — выстрелы, шум в лесу, суматоха. Потом все стихло... К вечеру пошел по тропке. У сухого тополя — знаешь, у того, что у развилки стоит, его еще прошлым летом

грозою пожгло — трава примята. А в кустах вот это лежит.

Дед кладет на стол выгоревшую на солнце красно-армейскую пилотку.

— Вот тебе и сладкий мед, будь он неладен,— продолжает дед. — Да ты поторапливайся, Евгений Петрович: проклятые грозилась сегодня снова приехать. Неровен час, и с тобой то же приключится.

Евгений возвращается к своим...

Солнце уже высоко стоит в безоблачном небе, когда, закончив приготовления, партизаны ложатся в кустах у сухого дуплистого тополя.

Ждать приходится долго. Вокруг роем носятся пчелы, жужжат, кружатся над головой. Воздух полон тонким ароматом душистого цветочного меда. Жарко. Мучит жажда. Геня уже два раза отползал к соседнему ключу и приносил воду. Сейчас он лежит весь мокрый рядом с Евгением: то ли нечаянно сорвался в яму, то ли нарочно выкупался.

Наконец слева, со стороны хутора, слышится далекое цоканье подков, и на тропинке появляются два немецких кавалериста. Они едут спокойно, уверенно, не чуя опасности.

Геня лежит ближе всех к тропинке. Вот сейчас бы встать во весь рост и швырнуть в них гранату, увидеть их сведенные ужасом лица; пусть знают, проклятые, как сладок мед у деда. Но Евгений строго приказал ждать сигнала, и Геня сливается с землей, не дышит.

Немного погодя к тополию подъезжает основное ядро кавалеристов.

Первым бросает гранату Евгений. За ней летит вторая, третья. Лошади поднимаются на дыбы, сбрасывают седоков. Партизаны бьют из карабинов тех, кто пытается уйти.

Услышав выстрелы, передовой разъезд, пришпорив коней, мчится вперед, к пасеке. Но у самой опушки его встречает завал. Резко рванув влево, кавалеристы бросаются в кусты и, не удержавшись, летят вниз — в глубокий, крутой овраг. Их на лету бьет карабин Гени...

Надолго после этой встречи у сухого тополя немцы забыли дорогу к сладкому меду старого пасечника.

СУМАСШЕДШАЯ ТАНКЕТКА

Гору Вышку мы ненавидели.

Каждое утро, на заре, на ее вершину поднимались немецкие наблюдатели. Оттуда они видели буквально всё — поляны, предгорья, дороги, кусты. И стоило нам появиться на глухой, казалось бы, неприметной кабаньей тропе, как по сигналу с Вышки по кустам начинали бить минометы, и машины с автоматчиками мчались из ближайшей станицы.

Гора Вышка была для нас бельмом на глазу, и Евгений решил однажды навестить ее.

Взяв Геню, двух снайперов, стрелковое прикрытие и захватив на всякий случай ручной пулемет Дегтярева, Евгений ночью отправился в гости.

К Вышке подошли до рассвета и залегли в кустах.

На востоке побелел горизонт. Поднялся и растаял туман. За горой показалось солнце.

В бинокль отчетливо видно, как по кустам к Вышке идет группа фашистских наблюдателей. Подходит к подножью горы и скрывается в дзоте.

Братья лежат тихо, недвижно, внимательно наблюдая в бинокль.

Из дзота выходит немец. Спокойно, не спеша подни-

мается по лестнице на верхнюю площадку, потягивается, зевает.

Евгений передает бинокль Гене и берет свою снайперскую винтовку.

Выстрел.

Растопырив руки, нелепо болтая в воздухе ногами, наблюдатель сползает вниз. К нему бросается его напарник — и падает рядом с ним. Такая же участь постигает и остальных немцев из дзота.

Евгений ждет.

Проходит час. Обескураженные молчанием Вышки, немцы посылают связных.

Низко пригибаясь к земле, трусливо озираясь по сторонам, фашисты осторожно поднимаются по тропе на гору. Но никто из них не возвращается обратно.

Евгений попрежнему ждет.

Из станицы выскакивают автомашины, они битком набиты автоматчиками. Машины веером растекаются по дорогам у подножья горы.

Одна из машин случайно натывается на стрелковое прикрытие партизан и открывает огонь. В ответ из кустов бьет в упор пулемет Дегтярева. Машина круто поворачивает и уходит в станицу. На дороге остаются трупы фашистов.

Вдали раздается характерный лязг гусениц: это фашистская танкетка идет в атаку на партизан.

Евгений, оставляя прикрытие в кустах, быстро ползет с Геней к обочине, туда, где дорога делает крутой поворот.

Танкетка подходит все ближе и ближе. В окуляр винтовки на секунду попадает смотровая щель водителя. Евгений спускает курок. Танкетка вздрагивает, теряет управление, ударяется о дерево, останавливается.

Тишина.

Медленно приподнимается стальной колпак. Над люком удивленное лицо пулеметчика. Геня бьет из карабина. Стальной колпак с шумом захлопывается.

И снова тишина.

Братья, чуть подождав в кустах, подбегают к танкетке и, порядком повозившись, открывают наконец колпаки. Каждый вытаскивает «своего». Водителю пуля угодила в переносицу.

Геня ныряет в люк. На месте водителя он чувствует себя, как дома. Здесь все точь-в-точь так, как сказано в справочниках из отцовской библиотеки и как видел он на танкодроме в Краснодаре.

Геня пробует мотор, рычаги — всё в порядке.

Наконец-то сбылась его заветная мечта: у него настоящая боевая машина!

Геня не в силах ждать.

— Женя, можно сейчас туда... в Смоленскую?

Евгений решается: оттаскивает мертвых немцев в кусты, залезает в люк, проверяет пулемет, и танкетка, круто развернувшись, полным ходом идет в станицу, занятую немцами, благополучно минует заставу и останавливается у крыльца штаба.

Геня дает продолжительный гудок. Из дверей выскакивают офицеры. Геня медлит несколько секунд — пусть побольше соберется фрицев! — потом открывает люк, встает во весь рост и, крепко выругавшись по-немецки, снова быстро садится на свое место водителя и резко бросает танкетку в толпу.

С минуту длится избиение немцев у крыльца их штаба: мечется танкетка, давя своими гусеницами растерявшихся фашистов, бьет, не умолкая, пулемет Евгения.

Но из окна уже летит первая граната. За ней — вторая, третья, четвертая, и пули цокают о броню танкетки,

Евгений переносит огонь на окна. Гранатометчики смолкают.

— Геня, полный вперед!

Танкетка мчится по улицам, поливая из пулемета и давя гусеницами обескураженных фрицев. Уже видна околица. Сейчас Геня вырвется из станицы на дорогу, в кусты, а там—ищи ветра в поле. Но из заставы длинной очередью ударяет тяжелый немецкий пулемет.

Пробит бак. Танкетка вспыхивает. От едкого дыма перехватывает дыхание. Загорается одежда. Но Геня не может расстаться с танкеткой. Он увеличивает скорость до предела: быть может, ветер собьет пламя.

Пламя вспыхивает еще ярче.

— Стоп, Геня! — приказывает Евгений.

За околицей братья быстро открывают люки. Они катаются по земле и тушат огонь на одежде.

— Скорей, Геня! Скорей! — торопит Евгений.

Но Геня медлит. Он оглядывается назад. На дороге пылает его танкетка, его заветная, желанная боевая машина, и черный фашистский крест коробится от огня...

Через час им одним знакомыми тропами братья приходят на условленное место, где еще ночью был назначен сбор.

Рассказывать некогда. Партизаны быстро идут в горы. А за ними, в кустах, там, где еще недавно лежала партизанская засада и валяются на дороге трупы немецких автоматчиков, воют и рвутся фашистские мины...

Весь этот день гора Вышка была выходной.

БОЙ У РАЗВИЛКИ ДОРОГ

...Цепочкой идут партизаны через леса и горы. Идут осторожно, чтобы не хрустнула ветка, чтобы камень не скатился с обрыва. Стороной обходят фашистскую за-

ставу. И снова осторожно, выслав вперед и по бокам дозоры, идут по лесу.

Тихо в лесу. Разве только птица перепорхнет с ветки на ветку да встревоженный зверек зашуршит в кустах.

Вдруг громкий стрекот, будто кто-то в ладоши хлопал. И в ответ на стрекот — длинные очереди автоматов.

Разведчики замирают в кустах.

Где-то в стороне опять все тот же стрекот и новые автоматные очереди.

Это сойка заметила партизан, заволновалась, застрекотала, доложила немецкой заставе, и фашисты бьют по кустам из автоматов.

Выстрелы смолкают.

Выждав, пока немцы окончательно успокоятся, разведчики один за другим задами проникают в станицу и незаметно, исподволь собирают сведения.

Захватив Краснодар, переправившись через Кубань, фашисты двинулись к Новороссийску. Им преградили путь моряки-черноморцы. Тогда немцы решили обойти моряков горами: они начали накапливаться в Смоленской, чтобы через станицу Крепостную, по реке Афипису, продвинуться на Архипо-Осиповскую и дальше к Туапсе, Сочи, Батуми.

Пока в Смоленской они сосредоточили четыреста автоматчиков, два броневика, четыре десятка автомашин. Тяжелых орудий и минометов нет: путь через горы кажется немцам прогулкой, и они надеются обойтись только легкими минометами и горными пушками.

Что же, тем лучше...

Разведчики незаметно уходят из станицы к предгорью: здесь их ждет основная группа.

У развилки дорог, там, где вплотную к шоссе под-

ходит густой лес, партизаны ложатся в засаду. Выставлен дозор сигнальщиков. Отправлена в условленное место на шоссе вторая—малая—засада. Чуть в стороне — группа прикрытия на тот случай, если немцы, оправившись от первого удара, перейдут в наступление.

Лежать тяжело. Спят по очереди.

Проходит двое суток — шоссе безлюдно. Кажется, фашисты отказались от попытки перевалить через горы.

На третий день утром сигнальщики докладывают о приближении неприятеля.

Первым показывается броневик, ведущий разведку. На всякий случай он простреливает кусты из пулемета. За ним, чуть отстав, идут две трехтонные машины с автоматчиками.

Броневик проходит вперед. Лес молчит. В секторе главной засады появляется первая трехтонка.

Нервы напряжены. Слышно, как громко бьется собственное сердце.

Евгений и Геня быстро поднимаются во весь рост и швыряют гранаты. В машины летят бутылки с горючим.

Взрывы, вспышки огня, дикие крики.

Уцелевшие фашисты пытаются бежать. Их настигает у обочины пулеметная очередь.

Броневик бросается вперед. Но за поворотом дороги вырастает завал. Водитель разворачивается, пытается повернуть обратно, и застревает в заранее приготовленной яме. А тут, как нарочно, кончилась пулеметная лента. И беспомощным, молчаливым, нелепо накренившись, стоит броневик в яме.

Тогда вступает в бой малая засада. Бутылки с горючим летят из кустов в мотор, в башню, в смотровые щели.

Машина вспыхивает.

Открыв дверцы, экипаж выскакивает — и падает, сраженный пулями.

Операция закончена. Надо уходить: там, впереди, со стороны Смоленской, уже слышен гул машин основного фашистского отряда и частые автоматные очереди. Но Геня будто прирос к машинам на шоссе: может быть, удастся увести хотя бы одну из них к себе в горы. Машины безнадежно изуродованы.

Евгений дает сигнал отхода. Геня с болью в сердце разбивает моторы и догоняет своих.

...В дневнике отряда Евгений коротко записывает:

«20 августа 1942 года произвели разведку. На обратном пути устроили засаду, убили не менее 48 немцев. Добытые сведения передали в штаб куста партизанских отрядов».

* * *

Через несколько дней агентурная разведка докладывает: новые мотомехчасти с двумя танками должны выйти на-днях из Смоленской к морю.

Приказываю Евгению устроить вторую засаду и разгромить головную колонну.

И снова идут партизаны по лесу, снова готовят сюрпризы и недвижно лежат в придорожных кустах.

На этот раз ждать придется недолго. Утром на вторые сутки сигнальщики передают:

— Приготовиться!

Первым проходит танк. Лязгая гусеницами, урча мотором, он, по старому, заведенному обычаю, простреливает кусты из пулеметов и пушки.

Лес молчит. Только эхо где-то далеко в горах глухо отвечает фашистской пушке:

За танком мчится разведка мотоциклистов с пулеметами на прицепах,

Лес попрежнему стоит суровый, молчаливый.

Но вот из-за поворота появляется рота мотоциклов-автоматчиков. В несколько рядов, идя вплотную друг к другу, они заполняют все шоссе.

Евгений резко выдергивает флажок-предохранитель противотанковой гранаты и бросает ее в середину колонны. Геня бьет гранатой в голову. Командир первого взвода Янукевич поражает хвост.

Три взрыва — сигнал. На шоссе одна за другой рвутся гранаты.

Группа мотоциклистов, повернув уцелевшие машины, уходит в Смоленскую.

На шоссе выскакивает Евгений. Здесь, на прицепе подбитого мотоцикла, стоит немецкий тяжелый пулемет.

Длинная очередь разрывает воздух. Мотоциклисты падают. Машины кренятся набок и ложатся у обочины дороги.

За поворотом шоссе, там, куда ушли танк и мотоциклетная разведка, раздается глухой взрыв, а за ним частые винтовочные выстрелы. Это фашистская машина рвется на заложенной mine, и партизаны малой засады добивают мотоциклистов разведки, срезанных проволокой, протянутой над шоссе.

И снова тихо. Только со стороны Смоленской возникает, нарастая с каждой минутой, гул машин и непрерывное таканье пулеметов. Это немецкие автоматчики из станции спешат на помощь своей колонне.

Машины подходят к месту разгрома и открывают ураганный огонь по кустам. А лес попрежнему сурово молчит, и далеко по лесной тропе цепочкой идут к предгорью партизаны...

— В операции участвовал двадцать один человек, — коротко докладывает мне Евгений. — Подорван танк. Убито сто восемьдесят фашистов. У нас потерь нет, кроме четырех легко раненых.

ПОЕДИНОК С ТАНКОМ

Операции следуют одна за другой.

...Геня и Павлик лежат в дозоре.

Ночь.

Зеленым пологом покрыли мальчиков густые кленовые ветви, ласково раскинули над ними свои широкие лапы, отгородили от мира и берегут ребят.

Ветер шумит верхушками деревьев. Журчит вода в далеком ручье. По ту сторону дороги протяжно и заунывно крикнула ночная птица. И снова тихо. Лишь в придорожных кустах возникают и опять замирают неясные ночные шорохи.

Хочется встать, потянуться, размять онемевшие ноги, завернуться в плащ и уснуть. Но спать нельзя: надо лежать, смотреть и слушать.

Сзади остался тяжелый переход по лесным тропам, по крутым склонам предгорья, через бурные, своевольные горные речки.

Ночью пришли сюда, к месту диверсии. На дороге заложили мины, выставили дозоры. В соседних кустах залегла группа прикрытия.

Сейчас все закончено. Остается ждать, смотреть и слушать. И ребята лежат и слушают.

Проснулась какая-то пичужка, пересела на соседнее дерево, устроилась поудобнее и затихла. Ежик деловито пробежал под ветвями, наткнулся на Павлика, чуфыркнул испуганно и сердито и отскочил в сторону. Треснула ветка, донесся приглушенный шопот: это Евгений проверяет караулы. Где-то далеко-далеко, — так далеко, что не разберешь по звуку, свои или чужие, — прогудели самолеты. И опять тихо.

Томительно тянутся долгие часы. Уже ослепительно ярким золото-розовым шаром поднялось солнце из-за гор. Туман рассеялся, уплыл куда-то в сторону. Блестит

роса на траве. В лесу неумолчно щебечут птицы—встречают новый день и оживленно, взволнованно обсуждают появление незваных гостей.

Неожиданно в птичий гомон врывается новый звук. Он еле слышен. Трудно разобрать, что это. Может быть, лошадиный топот?

Геня слушает.

Нет, это моторы гудят — далеко-далеко. Но не поймешь сразу: в воздухе ли, над горами или на дороге от Ново-Дмитриевской.

Гул становится все явственнее.

— Павлик, беги к Евгению, — шепчет Геня. — Танки подходят к Афипсу.

Евгений сидит на дереве. Оттуда в артиллерийский бинокль вся дорога видна, как на ладони.

— Янукевич, будить всех! Приготовиться к бою!

Сжимая в руках гранаты, люди замирают в придорожных кустах.

Уже четко слышны лязг танковых гусениц и рокот тяжелых машин.

Вдруг пулеметная трель разрывает воздух. Глухо ухает пушка, срезая ветви, в щелки разбивая стволы деревьев. Кажется, немцы нащупали партизан и сейчас обрушат на них огонь своих пулеметов. Но Евгений знает: это фашистская колонна, войдя в лес, для верности бьет по кустам.

— Подтянуть дозоры к группе, — спокойно приказывает он.

Первым, как всегда, пронесется мимо танк. За ним в облаке желтой пыли идет тяжелая машина с автоматчиками. Стоя в кузове вплотную друг к другу, они бьют по кустам бессмысленно, глупо, без цели.

А дальше еще и еще машины — с боеприпасами, с автоматчиками, с продовольствием.

Как бесконечно медленно тянутся секунды! Кажется,

танк уже давно прошел то место, где ночью были заложены мины...

Неожиданно, хотя этого ждут каждую секунду, взрыв потрясает землю. Это там, впереди, взорвался наконец головной танк.

А колонна по инерции несется дальше. Перед засадой вырастает второй танк. Евгений, чуть приподнявшись, швыряет в него гранату и снова припадает к земле. Танк с разбитой гусеницей медленно оседает в канаву, загораживая дорогу. На него с ходу насккивает ближайшая машина и вспыхивает ярким костром.

Летят бутылки, рвутся гранаты, не умолкая бьет наш пулемет.

На дороге мечутся тяжелые машины, давя колесами раненых. Они ищут выхода из этого огненного кольца. Но выхода нет. Всюду гранаты, взрывы, столбы огня и меткие пули партизанских карабинов...

В шум боя врывается новый звук: фашистский танк, шедший в хвосте колонны, рванулся по кустам в тыл партизанам. С каждой секундой он набирает скорость, легко ломая и подминая под себя молодые деревья. Сейчас он прорвется через ольшаник и гусеницами раздавит эту маленькую горсточку людей.

Наперез танку бросается Геня. Он бежит в открытую, не сгибаясь, не прячась.

Фашисты замечают его. Танк посылает короткие пулеметные очереди. Но пули летят мимо: пробираясь сквозь молодой лесок, танк кренится из стороны в сторону.

Геня бежит. Он совсем рядом. Пулемет бьет длинной очередью.

Не спеша, как на ученье, Геня заносит руку назад, швыряет гранату под гусеницы танка и быстро прячется за дерево.

Машина останавливается, резко обрывая огонь.

Геня ждет.

Проходят секунды, и танк оживает. Дуло пулемета опять поворачивается к Гене.

Кошкой бросается Павлик к другу и, резко рванув его за руку, падает с ним на землю.

Первая прямая очередь проносится мимо.

Уловив перерыв в очередях, Павлик швыряет гранату под башню с пулеметом. Танк затихает.

А по лесу один за другим уже несутся сигналы отхода — резкие отрывистые свистки Евгения: подошла вторая фашистская мотоколонна, и немцы, огромным полукругом охватывая место схватки, пытаются сжать в кольцо партизан. Но уже вступает в бой группа прикрытия, в лесу рвутся гранаты, и наши стрелки сдерживают автоматчиков.

Основная группа нападения выходит из кольца. И снова цепочкой быстро идут партизаны по кабаньим тропам, переходят вброд реки, поднимаются на горы.

Отряд возвращается на стоянку в Крепостную. Геня с трудом снимает плащ. Плащ весь в крови. Елена Ивановна бросается к сыну: раненое плечо неумело перевязано индивидуальным бинтом...

Геню ранило еще до его схватки с танком. Наскоро перевязав себя, он бросился в бой. Потом начался отход. Рана кровоточила. Мучительно болело плечо. Кружилась голова от потери крови. Но Геня никому не сказал о своей ране: сзади били фашистские пулеметы, и возня с ним могла бы задержать товарищей. Геня, стиснув зубы, шел наравне с другими, переходил реки, карабкался на кручи. И только тут, на стоянке, почувствовал, что силы иссякли.

Откровенно говоря, это никого не удивило. Геня не сделал ничего особенного. Он только свято выполнил неписанный партизанский закон: нигде, никогда, ни при

каких обстоятельствах не обременять своей персоной товарищей и скорее умереть, но не помешать друзьям быстро и точно выполнить приказ командира...

Основательно пришлось повозиться Елене Ивановне, пока сын не встал на ноги.

ВЗРЫВ КАМЕННОЙ АРКИ

Ночью из лагеря выходят семь человек. С ними Дакс — великолепная громадная овчарка, похожая на волка. Группа держит путь в глубину гор, туда, где на далеком высокогорном шоссе стоит мост — крутая каменная арка, переброшенная через глубокое ущелье: агентурная разведка донесла, что в ближайшие дни по шоссе через мост должны пройти горно-егерские части фашистов.

Как всегда, идут цепочкой. Впереди два брата Мартыненко — следопыты и горные охотники.

Светает. Залитый солнцем, вырастает впереди крутой горный кряж. Ключья тумана ползут из ущелий. Внизу ревет и клокочет река.

Сергей Мартыненко резко останавливается и поднимает руку. Партизаны припадают к земле. Евгений, еле сдерживая Дакса, бесшумно пробирается вперед.

Мартыненко вскидывает ружье. Резкий сухой выстрел разрывает тишину. Гулким эхом повторяет его горное ущелье.

Дакс срывается с места и стрелой летит вниз, туда, где в ущелье несется стадо диких свиней. Сзади бежит молодой кабан, оставляя за собой кровавый след. Дакс бросается ему на спину и повисает, вцепившись зубами в холку.

Ревущий серый клубок катается по траве. Кровавая

пена бьет из пасти раненого зверя. Он еще силен. Он пытается вырваться и клыками ударить Дакса. Но Дакс крепко вцепился в кабаний загривок и, кажется, даже умирая, не разожмет своих челюстей.

Вниз быстро спускается Сергей Мартыненко. Улучив момент, резким движением он по самую рукоятку вонзает свой нож в грудь зверя. Кабан замирает.

Охотники свежую добычу и вешают тушу высоко на дерево, чтобы ее не сожрали дикие звери: на обратном пути партизаны отнесут ее в лагерь.

С каждым часом путь становится все труднее. Уже давно осталась в стороне тропа, и Карпов, прекрасно знающий горы, уверенно ведет группу напрямик к перевалу.

Люди цепляются за кусты, за ветви деревьев. Подтягивают друг друга за руки. Отдыхают через каждые сто метров. Но на коротких привалах Евгений неизменно торопит:

— Пошли, товарищи. Быстро!

До вершины хребта остается пятьдесят метров, но полтора часа карабкаются люди по этим последним отвесным каменным плитам, вонзая в расщелины финские ножи и подтягивая друг друга на веревках по этой лестнице из ножей.

Подъем кончился. Внизу диким нагромождением скал лежит Кавказ. На юго-западе блестят на солнце снеговые вершины. Где-то там, далеко на севере, в туманной дымке лежит родной Краснодар.

Люди, связанные друг с другом длинной веревкой, ползут по камням перевала. Здесь не растет даже мох. Скользкие темные плиты отполированы дождями и ветром. Их острые, как бритва, гребни режут ноги. Внизу чернеет провал ущелья.

Дакс, временами жалобно взвизгивая, жметя к но-

гам Евгения. На привалах смотрит на хозяина умными печальными глазами и виновато лижет руку.

Два часа длится этот страшный, тяжелый путь. У Гени мучительно ноет недавняя рана в плече. Тяжелыми гирями кажутся противотанковые гранаты на поясе. Лямки заплечного мешка с взрывчаткой, продовольствием, патронами врезаются в тело. Во рту пересохло. Ноги горят, как обожженные. Хочется лечь на эти голые плиты, закрыть глаза и лежать неподвижно, ни о чем не думая. Но он не может, не смеет отставать — он сам упросил брата взять его в горы. И когда Евгений тревожно оглядывается, Геня спокойно улыбается: все в порядке.

Начинается спуск. Он тяжелее подъема. В сумерках на скользких плитах трудно найти опору для ног. Помогают оголенные корни деревьев: как змеи, они вьются в расщелинах скал.

Наконец начинается относительно ровная горная дорожка. Короткий, получасовой отдых — и снова в путь.

Наступает ночь. Где-то совсем рядом шумит горная речушка.

Неожиданно Дакс резко останавливается и глухо рычит. Густая шерсть на спине поднимается дыбом.

Евгений приказывает Карпову разузнать, в чем дело. Но Карпов не проходит и пятидесяти метров, как справа грохает выстрел. Пламя, вырвавшись из дула винтовки, на секунду освещает кучу поваленных бурей деревьев.

Евгений оттягивает группу назад. Карпов и братья Мартыненко бесшумно уползают в темноту.

Дакс нервничает.

Проходит час. В кустах раздается треск цикады — это возвращаются разведчики.

— Впереди по нашему пути, у края дороги, стоит шалаш, покрытый землей, — тихо докладывает Евгению

младший Мартыненко.—У шалаша семь-восемь человек. Что за люди, в темноте разобрать не удалось. Надо думать, сторожевая застава у перевала.

Нелепо поднимать шум, когда так близка цель: ночная суматоха может испугнуть немецкий караул у моста и охрану в ауле.

— Карпов, веди в обход! — приказывает Евгений.

Партизаны крутой дугой огибают таинственную заставу.

На рассвете выходят на дорогу. В соседнем ауле, по ту сторону горы, слышны далекие голоса и тьяканье собак.

На день надо скрыться, исчезнуть, провалиться сквозь землю.

В стороне от дороги стоят густые заросли «держидерева». Лучшее пристанище трудно найти. Даже кавказская овчарка не посмеет забраться туда: при малейшем движении острые шипы колючек, похожих на большие рыболовные крючки, глубоко вонзаются в тело.

Прорубая топориками узкий проход, отряд располагается на отдых в густых зарослях. Геня ложится в дозоре. Карпов и братья Мартыненко уходят в разведку.

Вечереет. Первыми начинают темнеть далекие горы. Блекнут тона. Коричневые, зеленые, серые краски стираются, тухнут, синеют, и уже легким, призрачным фиолетовым силуэтом стоит Кавказ на фоне закатного пурпурного неба. С востока ползут сумерки. В их синей мгле исчезают рощи, сабли соседнего аула, нагромождение камней у дороги, и над зарослями «держидерева» опускается темная южная ночь.

Возвращаются разведчики. Карпов докладывает:

— Мост совсем рядом. Дорога подходящая. Заходил в аул к своему приятелю: он подтвердил, что, быть может, даже завтра утром по мосту пройдут крупные

мотомехчасти немцев. Явились, значит, во-время. Только бы не опоздать! Приятель обещал помочь.

Отряд выходит из зарослей. С высокого обрыва смутно видна каменная арка моста и крутой поворот шоссе у выступа горы.

По эту сторону арки, около поста с «грибком» от дождя, медленно прохаживаются двое часовых. По другую сторону стоит казарма караула. Надо думать, в эту звездную ночь оттуда на фоне скалы должны быть смутно видны силуэты часовых у «грибка».

Внизу, под мостом, шумит и клокочет река, вся зеленая, с белыми гребнями пены. Она с шумом рвется по каменным перекатам, и ночью ее рев суров и грозен.

— Карпову и братьям Мартыненко снять часовых,— приказывает Евгений,— но так, чтобы для караула по ту сторону часовые оставались живы всю ночь. Как только часовые исчезнут, обоим Мартыненко приступить к минированию моста. Недриге, Казмину и тебе, Геня, заложить мины на шоссе.

Три тени ползут по обрыву и замирают у начала арки.

Томительно тянутся минуты.

Часовые подходят к «грибку».

Резко, как камни из пращи, Сергей и Данило Мартыненко бросаются на часовых. Лево́й рукой крепко зажимают рот. Правая рука привычным движением (так на Кавказе охотники добивают раненого зверя) вонзает финский нож подложечку.

Часовые беззвучно оседают. Быстро сдернув с них шинели, Мартыненко сбрасывают трупы с обрыва. Рокот реки заглушает шум падения.

Накинув на себя шинель и взяв в руку винтовку, Карпов медленно прогуливается у поста. Вторая шинель

висит на перекладине «грибка», и ночной ветер чуть колеблет ее полы.

Сергей и Данило быстро закладывают мины в настиле и основании арки.

Через полчаса все готово. К мосту подползает Евгений и проверяет работу. Мины заложены правильно, соединены детонирующим шнуром, тщательно замаскированы. Все сделано чисто и аккуратно.

Три мины на шоссе тоже заложены. Но четвертая — самая большая, та, что должна лечь у крайнего острого выступа дороги, — не легко дается. Обливаясь потом, Геня долбит ножом крепкий камень. К нему на помощь приходят братья Мартыненко. Но у него уже все готово, и он отползает в дозор.

Через несколько минут раздается резкий стрекот сойки: Геня предупреждает об опасности. Дакс, ошестившись, тихо ворчит.

Два фашистских горных егеря идут по шоссе.

Евгений приказывает Недриге и Казмину приготовиться к бою. Остальные бесшумно отползают с дороги.

Повторяется то же, что было у «грибка»: мгновенно левая рука зажимает рот, правая вонзает нож. Трупы летят с обрыва.

Вся группа, прячась в кустах, быстро взбирается на скалу. С нее днем будет отчетливо виден крутой поворот шоссе, мост, казарма караула...

Еще ночью внизу начинается суматоха: исчезли часовые, и только на перекладине «грибка» висят их серо-зеленые шинели.

Пропавших ищут на шоссе, на склоне обрыва — и не находят: река уже далеко унесла их трупы.

К рассвету поиски прекращаются. Новые часовые боязливо оглядываются по сторонам. Но никому из фашистов не приходит в голову внимательно осмотреть мост и дорогу: они убеждены, что в их горное гнездо

никак не могут пробраться партизаны, а тем более мины.

Наши терпеливо ждут.

Из-за поворота на шоссе медленно выползает арба, запряженная парой буйволов. Невозмутимые, равнодушные ко всему на свете буйволы подходят к месту, где Геня заложил свою мину.

У Гени захватывает дыхание: неужели эта проклятая арба раньше времени подорвет его мину, на которую ушли добрые две трети запаса тола, принесенного всей группой?..

Пронесло!

Так же неторопливо, не обращая внимания на погонщика, что сидит на дышле и бьет их длинной хворостинной, буйволы въезжают на мост и скрываются за поворотом по ту сторону каменной арки.

Часа через два на шоссе раздаются гудки, и колонна грузовых машин, наполненных немецкими горными егерями, появляется за выступом горы.

— Приготовиться! — приказывает Евгений.

Головная машина огибает выступ. Сейчас она взлетит на воздух... Но машина благополучно проходит над большой миной и, затормаживая, въезжает на мост.

Будто сговорившись, все поворачиваются к Евгению.

Евгений лежит бледный, как полотно. Неужели?..

Взрыв сотрясает воздух. Это задний скат головной машины взорвал мину на мосту. Летят вверх каменные своды моста, щебень, егерь, железо и доски кузова.

Колонна затормаживает и сбивается кучей у взорванной арки. И только немного отставшая задняя машина, догоняя своих, еще спешит к мосту.

На полном ходу она подходит к крутому выступу на шоссе, огибает его и со страшным грохотом летит с

обрыва. С ней вместе сползают вниз выступ скалы и участок дороги под ним.

Почти одновременно там, где сгрудились машины, рвутся одна за другой последние три мины. Они сбрасывают грузовики под откос, кромсают на части людей, взметают вверх столбы мелкого щебня.

Уцелевшие егеря мечутся на шоссе. Некоторые прыгают с обрыва, пытаясь спастись вниз, в кустах у реки. Но партизаны, положив карабины на камни, бьют их на выбор.

Геня уже на шоссе. Лежа за камнем, он с малой дистанции расстреливает фрицев. А с вершины скалы длинными очередями бьют Евгений и Карпов, поражая фашистский караул, выскочивший из казармы по ту сторону моста.

Через несколько минут все кончено. Мост взорван. На шоссе обрушилась скала и вместе с полотном шоссе сползала вниз, в обрыв. У моста лежат трупы, исковерканные машины, груды камня.

Евгений подает сигнал отхода: в соседнем селеении поднялась тревога, забегали люди, длинной очередью бьет вдоль шоссе и по горе фашистский пулемет.

Старой дорогой, через перевалы, через горные кручи, сбивая в кровь ноги на острых скользких камнях, возвращается в лагерь цепочка минеров-диверсантов. А над взорванной аркой моста высоко в небе поднимается густой черный дым: это приятель Карпова сдержал слово и в суматохе поджег казарму горных егерей и дом коменданта в ауле.

ЧЕТВЕРТЫЙ КИЛОМЕТР

Евгений, Кириченко, Ветлугин и Еременко сидят на траве под густым разлапистым ясенем. Рядом с Евгением лежит Дакс. Положив морду на вытянутые вперед

лапы, он смотрит умными глазами на хозяина и, кажется, все понимает. А друзья горячо спорят о нагрузке, передаваемой паровозом через рельс, о законах вибрации, о коэффициенте трения и о минимальной закраине между минным зарядом и стыком рельса.

Перед Евгением разостлана плащ-палатка. На листах, вырванных из ученической тетради, по плащу разбросаны схемы, химические формулы, сложные технические расчеты. И если бы на минуту убрать этот ясень, Дакса и часового, что стоит чуть поодаль в кустах, если закрыть глаза и только слушать,—все это скорее походило бы на техническое совещание инженеров в кабинете научного института, но никак не на собрание партизан в дикой глуши кавказских предгорий.

Речь под ясенем идет о предстоящей ответственной, седьмой по счету, операции.

Донесения агентурной разведки упорно говорят, что на станцию Георгие-Афипскую немцы пригнали добрые две трети подвижного состава с дороги Краснодар — Новороссийск, сосредоточили тяжелые автомашины и в ближайшие дни начнут крупные перевозки к Черному морю солдат, боеприпасов, продовольствия: под Новороссийском идут горячие бои.

Нам предстояло взорвать поезд на участке Северская — Георгие-Афипская, одновременно минировать шоссе и профилированную дорогу, идущие параллельно железнодорожному полотну, и этим хотя бы на время, но основательно и прочно закупорить фашистам путь к Новороссийску.

Мы решили рвать поезд не так, как чаще всего рвали до сих пор партизаны Украины и Белоруссии и как рвал мост Валентин, дергая за веревочку.

Нашу новую железнодорожную мину (сочетание тола и противотанковых гранат — изобретение и конструкция Евгения, Кириченко и Ветлугина) должен был взорвать

сам паровоз. И в то же время легкая автодрезина, обычно идущая в разведку перед поездом, должна пройти благополучно над миной.

Весь секрет был в тяжести, передаваемой через рельс на минный заряд.

Это была наша новая, мощная, усовершенствованная мина. Но для того чтобы рвать ею поезда, надо подползти к железнодорожному полотну, отыскать вибрирующий конец рельса, финским ножом выкопать под ним ямку и заложить в нее минный заряд. Потом тщательно замаскировать работу (самый внимательный обходчик не должен заметить даже отпечатка наших подошв на шпалах и полотне дороги) и отползти в сторону. И все это в темную кавказскую ночь, в те короткие, считанные минуты, которые предоставят нам зазевавшиеся фашистские часовые.

Однако пока это только теория: нигде, никогда и никто еще не рвал так железнодорожных поездов.

Вот почему на плаще под ясенем Евгений придиристо еще раз проверяет каждый расчет, каждую схему: малейшая ошибка может сорвать всю операцию.

Наконец схема выверена, роли распределены, и поздно вечером наш отряд отправляется в путь. В нем четырнадцать человек.

Евгений едет на линейке. Он только что перенес тяжелую болезнь, он слишком слаб, и, строго говоря, ему следовало бы остаться в лагере. Но операция ответственная: она должна определить всю дальнейшую работу нашего отряда, и Евгений хочет сам заложить первую мину и сам увидеть, как взлетит на воздух фашистский поезд. К тому же только он — начальник дальней разведки, обладающий каким-то особо тонким искусством ориентировки, — может безошибочно вывести нас к месту диверсии. И он едет на линейке — бледный, похудевший, с темными кругами под глазами.

с высокой температурой, но, как всегда, настороженный, собранный, внимательный.

В лагере не знают, куда и зачем мы ушли. У нас существует закон — не болтать о предстоящей операции. И в момент нашего ухода Геня возится с запасными частями к автомобилю и мастерит печи на зиму.

Вначале едем проторенной, не раз исхоженной нами дорогой на Крепостную.

Ночь. Тишина. Только изредка пофыркивают лошади да на крутых поворотах что-то скрипит в линейке Евгения.

Неожиданно сзади раздается знакомое причмокивание, сначала отрывистое и резкое, потом протяжное и длинное. Это кто-то из своих подошел к нашей колонне. Его окликнули — он ответил.

Приглушенные голоса, торопливые шаги — и передо мной Геня.

— Отец, ты не имеешь права не брать меня. Мы заключили с Женей договор ходить на все операции вместе... Я приехал сюда не шкуру свою спасать...

Что я могу ему ответить? Правда, он явился без рюкзака, в грязном белье и грязной верхней одежде, — так у нас не полагается выходить на операцию. Но он смотрит на меня умоляющими глазами, у него за спиной материнский карабин, и он действительно приехал сюда не шкуру свою спасать.

— Хорошо, Геня, пойдешь с нами...

В Крепостной Ветлугин спешно заканчивает изготовление ящиков для автомобильных мин. Принцип их устройства тот же, что и паровозной мины: они взорвут тяжелый грузовик, но над ними спокойно проедет крестьянская телега. И никакой фашистский миноискатель не обнаружит нашей мины: в ней только дерево и тол, и ни грамма металла.

Вечером начинается перегрузка. Все, что было на

подводах: семидневный запас продуктов, патроны, гранаты, мины, распределяется по рюкзакам. На каждого приходится добрых тридцать килограммов.

И снова ночь в походе. Небо покрыто низкими рваными тучами. То и дело срывается дождь. Закутанные в плащи, мы кажемся друг другу таинственными, фантастическими фигурами.

Идем цепочкой, сплошь и рядом держась за рюкзак переднего.

Как всегда, я иду за Геней. Его рюкзак, наскоро сшитый из светлого мешка, — мой единственный ориентир в этой густой, непроглядной тьме.

Движемся медленно, осторожно, беззвучно. Дороги переходим, шагая в один след, задом наперед, чтобы сбить с толку тех, кто завтра утром обнаружит отпечатки наших подошв. Вдоль железнодорожного полотна пробираемся через густой кустарник: немецкие караулы у мостов время от времени освещают степь яркими ракетами.

Через каждые пять километров — привал: снимаем рюкзаки, кладем на них отекающие ноги и лежим десять-пятнадцать минут. И снова в путь — сквозь густой колючий кустарник, по холмам и оврагам, в дождь, грязь, ветер, с тяжелым мешком за спиной, с карабином, патронами, противотанковыми гранатами.

Всегда внимательный ко мне, Геня на этот раз особенно заботлив: на привалах подает рюкзак, поправляет лямки, помогает взбираться на крутые склоны.

Под утро подходим к хутору Коваленков. За ночь пройдено сорок пять километров. Все тело ноет, будто по нему долго молотили тяжелыми цепями.

Разделившись на группы, расходимся в разные стороны и, выставив дозоры, ложимся спать в густом кустарнике. Но спать холодно, и по команде Евгения сбиваемся в общую кучу, закрывшись маскировочными бя-

зевыми халатами и грея друг друга собственным телом. С обеих сторон от меня лежат мои сыновья.

На завтра назначена дневка, и люди спят спокойно. Только часовые, сменяясь, отползают в дозоры да Евгений, встав до рассвета, проверяет караулы и наблюдателей.

Поднимается солнце. Кусты проснулись: щебечут птицы, и трещат, заливаясь, кузнечики в траве.

Неожиданно рядом раздается длинная автоматная очередь. Ей отвечает вторая, третья.

Тревога!

Недвижно лежим в кустах, приготовившись к бою. Но разведка доносит: все в порядке — это немцы, выйдя из хутора, для храбрости бессмысленно бьют по кустам.

Крепко выругавшись, снова ложимся спать.

Спускаются сумерки.

Вволю напившись воды из соседней речушки и набрав полные фляги, цепочкой выходим из кустов: опасно долго засиживаться на одном месте.

Чтобы запутать следы и обмануть немецких собак-ищеек, долго петляем, пересекаем густые заросли колючего терна и до рассвета входим в маленький лесок. Он редок, немцы вырубили в нем кусты, он просвечивает насквозь, но в этом, быть может, наше спасение: фашисты, прочистив как следует рощу, едва ли заглянут сюда.

Рано утром, выставив дозоры, ложимся спать.

Евгений уходит «на работу». Двое суток его разведчики сидят на высоких деревьях, лежат в кустах, прячутся в ямах и внимательно следят за шоссе, за дорогой, за железнодорожным полотном. Нам надо знать буквально все: как и когда сменяются караулы фашистов, как часто ходят их дозоры, каково расписание

поездов и есть ли какая-либо закономерность в движении автомашин по дороге.

Разведчики наблюдают, слушают, записывают. А наша основная группа, отдыхая днем, по ночам спускается к воде и снова беззвучно кружит по кустам, рощам, колючему терну, меняя место ночлега.

Наконец Евгений докладывает: удобнее всего рвать на четвертом километре от Северской — там дорога, шоссе и железнодорожное полотно близко подходят друг к другу. Автомашины идут только днем. Поезда регулярно проходят четвертый километр в восемь часов утра и в четыре часа вечера.

Тем лучше — ночь свободна. Значит, надо подойти к полотну в полночь, быстро закончить минирование и до утра отойти в горы.

Вечером отправляемся в путь. Впереди дальняя разведка во главе с Евгением, по бокам дозоры, сзади арьергард автоматчиков.

Пройден последний лес. Перед нами открытое поле. За ним железнодорожное полотно с высокими тополями по бокам, а за полотном — шоссе и дорога.

Вокруг ни души. В темном высоком небе ярко горят звезды. Сзади, как призраки, стоят далекие фиолетовые горы.

Вдруг над Георгие-Афипской, а затем и над Северской вспыхивает белый свет. Его сменяет зеленый, потом красный. Они перемежаются, гаснут и снова загораются. И в этой последовательной смене цветов определенная закономерность. Но кто скажет, какое важное сообщение передают фашисты по линии своим световым телеграфом?

Гелиограф работает минут пятнадцать. И снова темно и тихо вокруг. Как гигантские часовые, стоят тополя вдоль линии. Где-то далеко раздается еле слышный свисток маневрового паровоза.

Евгений встревожен:

— Надо торопиться!

Вперед выходит разведка. Она ищет прохода в терне и пропадает в темноте ночи.

Вскоре у полотна начинает квакать лягушка: это Евгений докладывает, что путь свободен.

Осторожно подходим к краю насыпи. На руках поднимаем на шпалу переднего. Он втаскивает на шпалу остальных так, чтобы они не коснулись ногою песка насыпи. Тем же способом спускаемся вниз.

Группа прикрытия уходит в кусты. Занимают свои места дозоры. Минеры приступают к работе.

Через час все должно быть закончено.

ПРИКАЗ ВЫПОЛНЕН

— Помни, Геня: минер в своей жизни совершает только одну ошибку и никогда ее не повторяет—по той простой причине, дорогой, что его разрывает на части после первой ошибки.

Это еще в лагере не раз говаривал Гене С. С. Еременко, механик Гидрозавода, влюбленный в минное дело. И он был тысячу раз прав: наши первые мины, лишённые ограничителей, походили на пороховые бочки с горячей внутри свечой. Отважные люди, не раз показавшие свою храбрость в бою, решительно отказывались даже держать их в руках, а не только закладывать в землю.

Но на Геню, видно, не производят впечатления эти слова. Он горд, что добился своего и сейчас наравне со всеми участвует в этой важной операции.

Только что финским ножом он с Янукевичем выкопал ямку на профилированной дороге, землю выгреб на

разстланную стеганку, а лишнюю, собрав в шапку, унес в глубину кустов.

Геня стоит перед Янукевичем и передает ему минный ящик. Тот заряжает его взрывателем и осторожно опускает в землю. Геня тщательно маскирует ямку: самый придирчивый обходчик даже днем не должен заметить ее.

Закинув карабин за плечи, Геня носится по дороге, закладывая мины и выполняя распоряжения Янукевича.

Сейчас он пробегает мимо меня на железнодорожное полотно. Там работают Евгений и Кириченко.

Уже вырыта ямка под рельсовым стыком, уже уложены в нее две противотанковые гранаты, и Геня, подбежав, успевает добавить свою, третью.

— Пусть и меня фрицы вспомнят на том свете! — смеется Геня.

Под шпалу рядом с гранатами ложатся толовые шашки. Кириченко выдергивает флажок предохранителя, снимает накладку. Евгений маскирует полотно, отделявая насыпь «под елочку».

Мина на полотне почти готова. Остается выдернуть последнюю шпильку у предохранителя. Но это всегда успеется. И Кириченко с Евгением спешат на профилированную дорогу. Там что-то не клеится: грунт слишком плотен, и трудно рыть ямки для минных ящиков.

Когда на дороге все будет закончено, мы перейдем на шоссе. Его решено минировать в последнюю очередь: шоссе слишком разбито, и немцы предпочитают не пользоваться им.

Все идет так, как было задумано в лагере, под ясенем.

Ночь тихая, теплая. Сияют звезды над головой. Недвижно стоят тополя у дороги. Где-то далеко раздается собачий лай и смолкает. И снова тихо. Только в

кустах шуршат ветки: надо думать, это Геня относит туда последний грунт с дороги.

Сейчас начнем минировать шоссе — и домой, в горы...

Со стороны Георгие-Афипской возникает еле слышный звук. Быть может, самолет летит на ночную бомбежку?..

С каждой секундой шум становится отчетливее, яснее. С ним переплетается второй звук. Они сливаются. нарастают... Они все ближе, ближе...

Поезд! Из-за поворота, набирая ход под уклон, на всех парах идет тяжелый состав. А рядом с ним по шоссе мчатся броневики.

Так вот о чем говорил своими разноцветными огнями гелиограф!

Что делать? Уходить в горы? Но в «волчьем фугасе» на полотне еще не снята шпилька у предохранителя. Шоссе свободно. Немцы ворвутся на него. Они зажмут нас в клещи...

Мимо меня стрелой проносятся сыновья. Заряжая на ходу последние две мины, они бегут к шоссе. Быстро минировать обе колеи и выскакивают на полотно.

Паровоз уже рядом. Вырывается пламя из поддувала. Гремят буфера.

Ребята бросаются к поезду... Разве можно в этой кромешной тьме найти крошечную шпильку предохранителя?..

Нет, они задумали другое: у них в руках противотанковые гранаты. Ребята швырнут их под поезд около мины, чтобы от детонации их взрывов подорвался «волчий фугас».

Я бегу за детьми.

Поздно... Одна за другой рвутся две гранаты. И тотчас же со страшным, оглушительным грохотом взрывается мина.

Сразу становится жарко и душно, как в бане. Взрывная волна, будто ножом, срезает крону могучего клена, стоящего передо мной, и отбрасывает меня назад.

Я вижу, как лопнул котел паровоза, как паровозные скаты летят выше тополей, как, падая под уклон, вагоны лезут друг на друга, разбиваются в щепы, погребая под собой немцев.

Новый взрыв. Это летит на воздух броневик на шоссе. За ним, ярко вспыхнув фарами, рвется второй.

Взрывы следуют один за другим. Теперь мины коречат машины на профиле, разбрасывая искалеченные трупы немецких автоматчиков.

Пылает взорванный поезд, грохочут мины, истошно кричат раненые фашисты.

Я бросаюсь к железной дороге.

У полотна, освещенный заревом пожара, лежит под обломками мертвый Евгений. Его уносят друзья.

Я ищу Геню. Он чуть поодаль, в кустах.

Беру на руки еще неостывшее тело. Теплая кровь заливает руки. Несу его через минированный профиль.

Молча финскими ножами рою неглубокую яму, кладем ребят, забрасываем землей. А над головой, срывая листья, уже жужжат пули: уцелевшие немцы пришли в себя и крутой дугой охватывают кустарник.

Отряд быстро выходит из-под удара.

Я стою у могилы, стараясь замаскировать этот маленький холмик. Сердце окаменело. Одна мысль: ребят больше нет...

Передо мной вырастает Павлик. Схватив за руку, быстро тащит прочь из кустов: немцы сжимают дугу.

Идем по степи. Вокруг ни куста. Над головой вспыхивают осветительные ракеты. Падаем на землю и замираем.

Ракеты тухнут. Мы поднимаемся и снова быстро

идем. И снова над нами загораются ракеты, и мы опять принимаем к земле.

Сзади раздается рев моторов: немцы нашли нас и бросили вдогонку вездеходы. Слепя фарами, они подходят всё ближе и ближе.

Янукевич ложится на землю. Остальные быстро идут дальше. Вездеход почти рядом. Под гусеницы летит противотанковая граната. Машина кренится набок, останавливается.

Оправившись, немцы снова преследуют нас, и вслед за Янукевичем ложится Кириченко. Новый взрыв — и второй искалеченный вездеход замирает на месте.

Мы круто сворачиваем влево. Под ногами глубоко вспаханная целина. На ней окончательно застревают фашистские автомашины. Взбешенные немцы открывают ураганный огонь.

Теперь мы забираем вправо. У табачных сараев станицы Смоленской, где недавно Геня уложил из своего маленького револьвера двух полицейских, бросаемся вперед, низко пригибаясь к земле, пересекаем дорогу и выходим из обстрела.

А за нами разгорается бой: длинными очередями бьют пулеметы, сухо щелкают автоматы. Это фашистская застава в станице, перепуганная взрывами, стреляет в темноте по своим, а те бьют по заставе.

На рассвете подходим к предгорью. Останавливаемся на отдых. Но над головами с ревом проносятся германские самолеты, делают широкий круг и ястребами парят в воздухе.

Вытянувшись цепочкой, глухими тропами уходим на стоянку ближайшего партизанского отряда.

А на четвертом километре несколько дней возятся немцы, вытаскивая пятьсот искалеченных трупов из-под обломков поезда. И напрасно фашистские саперы про-

чесывают дорогу миноискателями и перекапывают подозрительные участки. Два дня еще рвутся немецкие машины на минах, заложенных Геней на профиле.

МЕСТЬ ЗА ПОГИБШИХ

Солнечное октябрьское утро. В лагере на широкой поляне повзводно выстроен отряд. Бойцы суровы и сумрачны. В глазах Елены Ивановны неизбывное материнское горе.

Комиссар открывает траурный митинг.

Выступления кратки. Слова скупые, но большие, весомые, значимые.

Мстить! Мстить, пока бьется сердце, пока рука держит винтовку. Мстить за выжженные станицы, за вытопанную пшеницу, за муки, слезы и горе родного народа. Мстить за героев Кубани, за братьев Игнатовых!

Партизаны свято держат свою клятву.

Летят на воздух поезда, рвутся машины, падают фермы мостов, бесследно исчезают фашистские заставы, горят нефтяные амбары, штабы, электростанции. И в тылу врага, в глухих кавказских предгорьях, создается школа минеров. Сюда приходят партизаны соседних отрядов, и друзья Евгения учат их трудному, опасному, но благородному искусству минера-диверсанта — рвать так, «чтобы наверняка, безотказно, насмерть», как мечтал когда-то Евгений в Краснодаре, слушая рассказ Валентина.

Ученики расходятся отсюда на юг и на север, на восток и на запад, и на горных дорогах, в степных станицах, в лиманах Кубани снова летят на воздух поезда, пылают взорванные танки, рвутся мосты, и в грохоте взрывов звериным криком кричат умирающие фашисты.

Это месть за погибших во имя свободы и счастья родной земли.

А когда грозной лавиной спускается с гор Красная Армия — в первых цепях, с автоматом в руке, с гранатой за поясом входят в родной Краснодар суровые, непреклонные мстители, партизаны Кубани, друзья и ученики братьев Игнатовых.

* * *

Май 1943 года. Над столицей Кубани, над родным Краснодаром, снова гордо реет по ветру красный флаг Советской страны.

В зале городского совета — море цветов. Кажется, родная Кубань прислала сюда все маки, пионы и розы, все ландыши и сирень своих садов, степей и предгорий.

Утопая в цветах, стоят два гроба. В них останки Евгения и Гени, перенесенные сюда с четвертого километра, где в теплую октябрьскую ночь на минах, уложенных братьями, впервые на Кубани взлетел на воздух фашистский поезд.

Два дня непрерывный людской поток течет через зал. Проходят старики, женщины, рабочие, инженеры, школьники, партизаны, бойцы, офицеры Красной Армии.

В полдень 16 мая тысячи людей идут последний раз проводить братьев-героев.

Два гроба медленно плывут на руках. Колышутся сотни знамен. Торжественно и печально звучит шопеновский марш.

За гробами движутся нескончаемые людские колонны. В их рядах — соратники Евгения, суровые, молчаливые партизаны, овеянные дымом взрывов в пред-

горях Кавказа, и друзья Гени, юные школьники, горячая, страстная молодежь, мечтающая о подвигах и славе.

В сквере имени Свердлова короткий траурный митинг.

Два гроба опускаются в могилу. Гремит троекратный прощальный салют. А в синем высоком небе кружат боевые самолеты. Отдав воинский долг погибшим, они берут курс на запад, чтобы там, над болотами и плавнями Тамани, продолжать великое дело борьбы во славу отчизны, за которое отдали свою жизнь Евгений и Геня.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Пора опять брать в руки винтовку	5
«Веревоочка — вещь ненадежная»	10
Зимний лагерь на горе Стрепет	16
Охотники за коровами	24
Таинственное похищение инженера Лусгы	28
Рейд к мосту	36
Разведка «малышей»	40
«Охога» снайперов	45
Сумасшедшая танкетка	52
Бои у развилки дорог	56
Поединок с танком	61
Взрыв каменной арки	65
Четвертый километр	73
Приказ выполнен	80
Месть за погибших	85

Рисунки *В. БОГАТКИНА*

Редактор *Б. Евгеньев*

Техн. редактор *А. Соломкина*

Подписано к печати 10/ХІ 1945 г. А24602.

Печ. л. 5,5

Уч.-изд. л. 4,1.

Бумага 70×108¹/₃₂.

Цена 1 р. 25 к.

Тираж 25 000 экз.

Заказ 2417.

Типография «Красное знамя» изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, Суцеская, 21.

Цена 1 р. 25 коп.